

Игорь Петраков

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ 30

КАЛОШИ СЧАСТЬЯ

АНАЛИЗ ЛИРИКИ Т.БЕЛОЗЕРОВА

РАССКАЗЫ-ШКАТУЛКИ В.НАБОКОВА

ОПРОВЕРЖЕНИЕ БУДУЩЕГО ПО НАБОКОВУ

Ознакомительный фрагмент.

Омск 2023

В 30-ый, юбилейный, том лапидарного Собрания сочинений Игоря Петракова вошли сказка по мотивам произведений Андерсена, литературоведческая работа о Тимофее Белозерове и книга о рассказах Набокова.

Игорь Петраков

ЛАРИСА В СТРАНЕ СКАЗОК. ЭПИЗОД 1. КАЛОШИ СЧАСТЬЯ.

(по мотивам сказок Ганса Христиана Андерсена).

Рассказчица (человек):

- В один прекрасный предновогодний вечер, о котором речь пойдет в нашей истории, выпускница филологического факультета Лариса скучала, рассматривая какую-то книгу современной прозы с картинками.

Появляется Лариса (кукла).

Лариса:

- Хорошо, что здесь имеются картинки, иначе чтение было бы полностью лишено смысла.

Рассказчица:

- С этими словами она отложила книгу прозы и уставилась в окно, глядя, как летят и кружатся беззаботные снежинки.

Лариса:

- Вот бы сейчас прочесть сказку, и непростую, а с интересными персонажами и событиями, о которых я знала еще в детстве, что угодно бы отдала, только бы оказаться в такой необыкновенной сказке. А какое бы удовольствие было бы рассказывать о ней друзьям..

Рассказчица:

- Как только Лариса произнесла эти слова, в окно кто-то постучал. Лариса надела валенки, теплую шубку и отворила окно, думая, что это идут работы по отделке межплиточных швов. Но неожиданно перед Ларисой предстала снежная Фея.

Появляется Фея (кукла бабы Яги).

Лариса:

- Вот это да! осуществляются мечты. Вы, должно быть, баба Яга?

Фея:

- Баба Яга я только внешне. А по сути — я необыкновенная Фея. Да, я услышала твою просьбу, девочка, а поскольку один раз в год, мы, снежные феи, можем выполнять человеческие пожелания, то, представь, я помогу тебе. Ты не прочь была, как я поняла, оказаться в сказке?

Лариса:

— Так речь пойдет о сказке?

Фея:

— Именно. О стране сказок. Ты можешь отправиться в нее сейчас же. Только не залетай слишком высоко!

Рассказчица:

- С этими словами фея схватила ее; в ту же минуту раздался такой шум и гром, как будто мир лопнул по всем швам. Фея взвилась на воздух и так крепко держала Ларису за рукав сорочки, что она почувствовала, как отделяется от земли. Но вдруг на ногах ее повисла какая-то тяжесть, и что-то тяжелое навалилось на спину. За нее цеплялись какие-то существа и кричали: «Если ты в сказку, так и мы тоже! Цепляйтесь за нее, цепляйтесь!» И они крепко повисли на ней. Тяжесть была слишком велика, рукав затрещал и разорвался, Лариса полетела вниз.

В минуту Лариса очутилась в незнакомой стране, где, в отличие от погоды за окном, было сухо и тепло. Лариса только успевала удивляться. Здесь все было насыщено красками – и травы, и луга, и далекий лес, и звуками – пения птиц, журчания молодого ручья, движением ветра, оживляющего липы, собравшиеся в кружок на пригорке.

Лариса:

- Что за чудесная страна!

Фея:

- Да, ты права, милая девочка. - Но тут есть свои три дороги. Даже камень указатель есть.

Лариса:

- Прямо как в сказке.

Фея:

- Будем знакомы. Меня зовут Ванесса. Впрочем, тебе это имя наверное, ни о чем не говорит. Но я всегда рада помочь одиноким путникам. Как, например, в случае с этим камнем. На нем ты можешь увидеть три надписи. Я тебе объясню, что они значат.

Первая - дорога в Джоконду, королевство Мышиного короля. Прекрасное царство! правит им душа - мой хороший знакомый Мышиный король. Его подданные отличаются отменной дисциплиной и военной выправкой. Целый день маршируют по улицам города. Такие милашки!

Вторая - страна Снежной Королевы. Ну, помнишь историю про Кая и Герду. Снежная Королева уж такая красавица, каких Свет не видывал. Как увидишь ее. так прямо мороз по коже! Кстати, симпатичных овечек подарила мне именно она. Овцы в ее королевстве не выдерживают.

И третья - "Королевство спящей красавицы". Между нами говоря, видела я эту красавицу - дерзкая, неуживчивая девчонка. А какой у нее взбалмошный характер! страшная скандалистка, хулиганка. Однажды она выкрала из музея шкуру тигра и по ночам, когда все спали, грабила одиноких прохожих.

Послушай меня, детка. Именно я помогла русалочке в свое время. Бедное дитя приплыло ко мне и пожелало иметь две подпорки как у людей для встречи с возлюбленным ею принцем. Что ж, я не посмела отказать такой красивой девушке.

Лариса:

- Наверняка вы сделали это небезвозмездно, и бедной русалочке пришлось несладко!

Фея:

- Я сказала, что изготовлю ей питье, она возьмет его, поплывет с ним к берегу еще до восхода солнца, сядет там и выпьет все до капли; тогда ее хвост раздвоится и превратится в пару стройных, как сказали бы люди, ножек. Но я предупредила, что ей будет так больно, как будто ее пронзят острым мечом. Зато все, кто ее увидит, скажут, что такой прелестной девушки они еще не встречали! Она сохранит свою плавную походку - ни одна танцовщица не сравнится с ней. Я спросила ее - "Вытерпишь все это?" И она согласилась. Разумеется, она должна была заплатить мне за помощь. У нее был чудный голос, им она и думала обворожить принца, но она должна была отдать этот голос мне. Я очень хотела ей помочь, но не все было в моей власти. Эта девчонка и слушать не захотела меня.. согласись, что это просто обидно. Но ничего, эта неудача не сломила меня. И я взялась помогать сборной России по футболу.

Лариса:

- Что-то я не замечала, чтобы это ей сильно помогло.

Фея:

- Я посеяла семена самолюбования, разобщенности и вялости из моего сада, но это и впрямь не помогло сборной. До сих пор недоумеваю, почему, ведь это были лучшие мои семена. Я их опробовала на детях и получила прелестные результаты.

Лариса:

- Наверное, дети так легко подвержены Вашему влиянию.

Фея:

- А у Доброй феи свои причуды, - однажды она решила благодетельствовать человечество Калошами счастья. Дело было в Омске, на Партизанской улице.

"Нужно тебе сказать, - сказала она мне, - что у меня сегодня день рождения, и в честь этого события у меня есть пара калош, я бы отнесла их людям. Эти калоши обладают одним замечательным свойством: того, кто их наденет, они могут мгновенно перенести в любое место или в обстановку любой эпохи - куда он только пожелает, - и он, таким образом, сразу обретет счастье"

"Ты так думаешь? - отозвалась я. - Знай же: он будет самым несчастным человеком на земле и благословит ту минуту, когда наконец избавится от твоих калош"

"Ну, это мы еще посмотрим! - проговорила Добрая фея - А пока что я поставлю их у дверей. Авось кто-нибудь их наденет по ошибке вместо своих и станет счастливым".

Смотри, что из этого вышло.

На сцене появляется Евгений (добрый молодец в виде куклы).

Фея:

- Первыми калоши надел Евгений, который как раз в эту минуту мечтал о царских временах. Как только он вышел в них на улицу, волшебная сила калош немедленно перенесла его во времена царя, и ноги его тотчас же утонули в непролазной грязи, потому что при царе улиц не мостили. Кроме того, мимо него прошло несколько человек в старинных костюмах.

Появляются Дед и Бабка.

Евгений:

- Чего это вы так вырядились? Должно быть, с маскарада идете?

Дед:

- Чего это он говорит, болезный?

Бабка:

- Чудно как-то говорит, не по-нашему..

Дед:

- Не иначе как юродивый, чудака!

Евгений:

- Какие-то вы странные, пенсионеры. Что, недовольны тем, что мало пенсию повысил президент?

Бабка:

- Ишь как бредит! Ишь куда его заносит!

Дед:

- Может, он милостыню просит?

Бабка:

- Иди с Богом, касатик!

Фея:

- Размышляя об чудесных прохожих и не глядя по сторонам, Евгений медленно шел по Партизанской улице, пока наконец не добрался до Комсомольского моста. Однако моста, ведущего по Любинскому проспекту на ту сторону Оми, на месте не оказалось.

Евгений:

- Что делается! Вот безобразие! Нет, лучше взять такси. Но куда же они все запропались? Как назло, ни одного! Вернусь-ка я на Партизанскую - там, наверное, стоят экипажи, а то мне вовек не добраться до дома!

Фея:

- Он снова вернулся на Партизанскую улицу и успел уже пройти ее почти всю, когда взошла луна.

Евгений:

- Господи, что это здесь понастроили такое? Или это мираж, фата-моргана? Нет, это просто бред какой-то! Не узнаю Партизанской улицы. Ни одного магазина, ни одного вуза! Все только старые, жалкие лачуги.. можно подумать, что я попал в Кормиловку.

Фея:

- К счастью, калоши свалились у него с ног, а с ними рассеялось и волшебство. Наутро Евгений поехал на свою работу в зоопарк. В досаде он забросил калоши в клетку с Медведем.

Появляется Медведь.

Медведь:

- Гм, охранник оставил здесь свои калоши! Ого, как покатилась звезда по небу. Ну ничего, их там еще много осталось. А хорошо бы оказаться на свободе, не в клетке, - и увидеть поближе все эти небесные

штуковины. Особенно луну: она не то что звезда, меж лап не проскользнет. Как было бы интересно этак путешествовать! Эх, если б только мне удалось допрыгнуть до неба.

Фея:

- Есть вещи, о которых вообще нужно говорить очень осторожно, особенно если на лапах у тебя калоши счастья! Вот послушайте, что произошло с Медведем. Мы с вами наверняка ездили на поезде или на пароходе, которые шли на всех парах. Но по сравнению со скоростью света их скорость все равно что скорость ленивца или улитки. В несколько секунд Медведь пролетел пространство в пятьдесят две тысячи миль, отделяющее землю от луны.

Во время полета он вспоминал стихотворение поэта Алексея Липина «В подражание Фету»:

.. земля, как смутный сон сестрицы,
безвестно уносилась вниз,
и я как хмырь из психбольницы
один в лицо увидел крыс.

Я ль несся к бездне полунощной
или несли меня слоны,
не знаю точно, но за сутки
мы добежали до луны.

И с замираньем и смятеньем
я взором шарил в тишине,
в которой с каждым я мгновеньем
мечтал о собственном слоне.

Итак, Медведь очутился на одной из тех бесчисленных лунных кольцевых гор, которые известны нам по большим лунным картам доктора Мэдлера..

На луне было множество живых существ.

Появляются Поросята.

Медведь:

- Братцы, где я?

1-ый поросенок:

- Ты что, с земли свалился?

Медведь:

- Я — то с земли, а вы кто такие?

2-ой поросенок:

- Мы жители Луны. Селениты.

1-ый поросенок:

- Или попросту лунатики.

Медведь:

- Но я представлял себе жителей Луны совсем по-другому.

2-ой поросенок:

- И напрасно. Всем известно, что на Луне обитают свиньи. Во всяком случае, так поет Глеб Самойлов в песне «Свиньи на Луне».

1-ый поросенок:

- Недавно мы с братцем приобрели земельные участки на Луне — и уже приступили ко строительству домиков.

2-ой поросенок:

- И все было бы замечательно, если бы нам не досаждал местный Волк.

Появляется Волк.

Волк:

- Привет, Медведь. Я Серый Волк.

Медведь:

- Я уже это заметил.

Волк:

- Я в поросятах знаю толк.

1-ый поросенок:

- Братец, бежим!

Волк:

- Да, бегите, если хотите жить.

Фея:

- Медведь поднял голову - в небе красовалась большая голубая земля. Да, потом он уверял, что это была самая бредовая ночь в его жизни. Он ни за что не согласился бы вновь пережить все эти ужасы. Впрочем, теперь все это позади. Медведь сам не заметил как очутился вновь на своей планете. Медведь выставил калоши за решетку. И в тот же день их подобрал посещавший зоопарк пожилой медик.

Появляется пожилой медик (Дед).

Фея:

- Вечером медик направился напрямик в областной драмтеатр, где выступали различные местные артисты. Надо ли напоминать, что для этой цели он надел калоши счастья. В этот момент на сцене выступал популярный чтец. Он читал стихотворение об очках. И пристальных очках. Стихи произвели большое впечатление на нашего медика. Сама идея с очками ему понравилась. "Взять бы, скажем, зрителей первого ряда, - думал медик, - и посмотреть, что делается у них в сердце".

Сказано - сделано! Только пожелай - вот все, что надо калошам счастья. Медик вдруг весь как-то съжился, стал совсем крохотным и начал свое необыкновенное путешествие по сердцам зрителей первого ряда.

На втором плане появляется рисунок «Мясная лавка».

Фея:

- Сначала наш медик оказался в какой-то мясной лавке; она была завалена мясом, - и куда бы он ни сунулся, всюду натыкался на туши. Это было сердце одного богатого, всеми уважаемого человека, - его имя, наверно, можно найти в справочнике по городу.

На втором плане появляется рисунок голубятни.

Фея:

- Оттуда медик перекочевал в сердце его супруги. Оно представляло собой старую, полуразвалившуюся голубятню. Портрет мужа был водружен над ней вместо флюгера; к ней же была прикреплена входная дверь, которая то открывалась, то закрывалась - в зависимости от того, куда поворачивался супруг.

Потом медик попал в комнату с зеркальными стенами, зеркала здесь были увеличительные, они все увеличивали во много раз. Посреди комнаты восседало на троне маленькое "я" обладателя сердца и восхищалось своим собственным величием.

Наконец бедный медик выбрался из последнего сердца и, совершенно ошавев, еще долго никак не мог собраться с мыслями. Во всем он винил свою разыгравшуюся фантазию.

Наконец, калоши снова попали к Евгению.

Появляется Евгений (кукла).

Фея:

- Евгений прохаживался взад и вперед по дорожке. Время было раннее, всего шесть часов утра. На улице заиграл рожок почтового дилижанса.

Евгений:

- О, путешествовать, путешествовать! Что может быть лучше! Это предел всех моих мечтаний. Если бы они осуществились, я бы тогда, наверно, угомонился и перестал метаться. Как хочется ехать подальше отсюда, увидеть волшебную Швейцарию, поехать по Италии!

Фея:

- И в тот же миг он уже путешествовал по Швейцарии.

На втором плане появляются горы.

Фея:

- Природа здесь была мрачная, суровая и величественная. Хвойные леса, покрывавшие заоблачные горные вершины, издали казались просто зарослями вереска. Пошел снег, подул резкий, холодный ветер.

Евгений:

- Вот это да! Если бы мы уже были по ту сторону Альп! Там теперь наступило лето. Ах, если б я уже был там!

Фея:

- И он немедленно очутился в самом сердце Италии, где-то на дороге между Флоренцией и Римом.

Появляется Лариса.

Лариса:

– Вот Рим бы я посмотрела! То-то, должно быть, чудесный город! Сколько туда наезжает иностранцев! Опишите мне Рим! Что видишь, въезжая в ворота?

Фея:

– Ну, это не так-то легко описать! Видишь ли, там большая площадь, а посреди ее возвышается василиск; ему четыре тысячи лет.

Лариса:

– Вы хотели сказать - обелиск?

Фея:

- Если бы хотела — сказала. Но продолжим. Евгений видел, как лучи солнца озаряли лежащие между двумя темно-синими холмами Тразименское озеро, превращая его воды в расплавленное золото.

При этом вершины гор и облака окрасились в непередаваемо красивые зеленые тона, отливающие блеском солнечных лучей.. Зрелище изумительное, но в желудке у него было пусто, тело устало, душа жаждала приюта на ночь, а где его найти? Теперь все эти вопросы занимали путешественника гораздо больше, чем красоты природы.

"Недурственно бы сейчас оказаться в Омске, в ресторации "Вкусно — и точка", - подумал Евгений, и его желание тотчас было исполнено.

Ему принесли обед: суп с перцем и оливковым маслом, потом приправленный таким же маслом салат и, наконец, свежие яйца и жареные петушинные гребешки - в качестве украшения пиршества; но даже вино казалось не вином, а какой-то микстурой.

"Ну, - спросила я у доброй феи, - много счастья принесли человечеству твои калоши?"

"Что ж, Евгению они по крайней мере дали бесплатный обед!" - ответила фея Стелла.

"О нет, - сказала я - Он еще не настолько окреп духовно, чтобы отвесть этот обед. Ну, я окажу ему благодеяние!" - И я стащила калоши со студента.

Лариса:

- До чего чудесные калоши. Не могли бы Вы их презентовать мне.

Фея:

- А зачем они тебе?

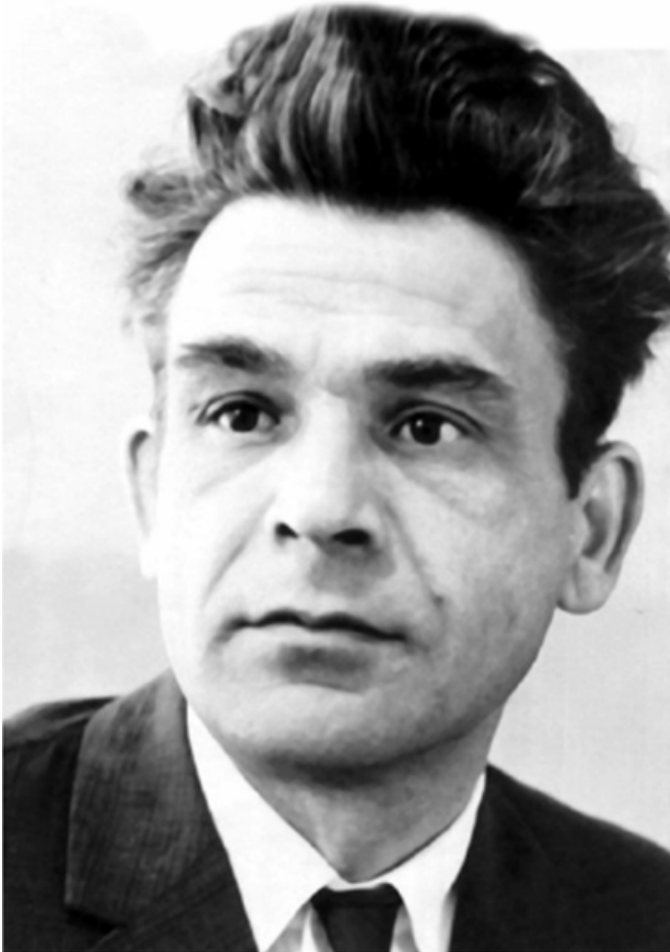
Лариса:

- Они бы указали мне путь к доброй фее.

Фея:

- Что ж, бери, но будь осторожна в своих желаниях. Помни, что с этими калошами на ногах может сбыться любая твоя фантазия.

Анализ лирики Тимофея Белозерова.
Критика о лирике Тимофея Белозерова.

СОДЕРЖАНИЕ:

1. Несколько слов о методике данной работы.
2. История исследований. Диссертация Л.В. Деменковой.
3. Тема природы.
4. Тема детства.
5. Тема труда.
6. Послесловие.

Вся жизнь прошла –
В один рассвет.
Весь путь пролег –
Одной сторонкой.
Свой век прошел – прожил поэт
С душой и совестью ребенка.
Прошелестел, как ветерок...
Расцвел в росинке
Яркий лучик...
Придет на тихий бугорок
Седой, как лунь,
Лесной Плакунчик..

Владимир Балачан.

1. Несколько слов о методике данной работы.

Целью работы является доскональное исследование образов, мотивов, сюжетов и тем лирики Тимофея Белозерова на примерах ряда его известных стихотворений.

Для этого мы воспользуемся возможностями тематического, мотивного и сюжетного анализа. Тематический анализ - самый поверхностный. Он использовался мною, например, в работе "Сюжеты и темы ранних песен Земфиры". В сочетании с другими, более глубокими, видами анализа дает неплохие результаты.

Мотивный анализ знаком нам по работам известных советских литературоведов. Они не только внесли вклад в теорию мотива как такового, но и дали нам практические образцы разложения лирики на мельчайшие единицы - мотивы.

Сюжетный анализ был обоснован нами как инструмент литературоведа в работе "Основы сюжетосложения в прозе Владимира Набокова" (моей незащищенной кандидатской диссертации). Примеры сюжетного анализа литературного произведения можно найти в указанной работе, а также в статье "Анализ романов В.Набокова".

Сюжетный анализ обращается к трем разным уровням единиц анализа:

1. Сюжетные ситуации (смотри, например, мою работу "Сюжет и герои романов Ильфа и Петрова "12 стульев" и "Золотой теленок"").

2. Действия героя.

3. События (события - значимые не только для героя, но и для ряда других персонажей, для героини, для общества, для народа единицы повествования).

Сюжетный анализ я считаю наиболее глубоким из всех видов литературоведческого анализа (обоснование чему можно найти в той же моей многострадальной диссертации).

Традиционно лирика Тимофея Белозерова рассматривается с помощью тематического и мотивного анализа. Можно ли использовать для этого особенности анализа сюжетного? Можно, если мы зададимся целью проследить изменение статуса лирического героя и путь его взаимодействия с окружающим миром в стихотворениях Белозерова.

Можно выделить три вида лирических героев Белозерова:

1. Поэт. Лирический герой, которого Белозеров рисовал с себя.

2. Ребенок. Это подчас субъект, наивное восприятие которого позволяет открыть покровы природы

3. Деревенский житель.

Все лирические герои взаимодействуют с природой.

С первым, кроме того, связана тема поэтического труда. С третьим – крестьянского труда. Ребенок открывает тему детства у Белозерова.

Какие действия героев возможны в лирике Белозерова, спросите Вы. Попробую ответить.

1. Взаимодействие с волшебным природным персонажем (помните, такие волшебные персонажи встречались у Крапивина в цикле «В глубине Великого Кристалла»), который является искренне любящему родную природу поэту или ребенку.

2. Трудовая деятельность. Свойственна первому и третьему типу героев. В ходе трудовой деятельности герой все сильнее влюбляется в природу Сибири. И тоже взаимодействует с ней.

3. Взаимодействие со своими родными – братом, сестрой, родителями, бабушкой и дедушкой. При этом родные выписаны всегда с симпатией и уважением.

В этом исследовании мы рассмотрим три темы, связанные с указанными действиями героев: тему природы, тему детства и тему труда.

2. История исследований. Диссертация Л.В. Деменковой.

Впервые системному литературоведческому осмыслению лирика поэта была подвергнута в работе Лидии Васильевны Деменковой, которая называлась "Лирика Т. М. Белозерова :Между классикой и художественным примитивом" (кандидатская диссертация 2003 года).

Какие же методы были взяты в качестве исследовательских Л.В.Деменковой?

Основной метод - эстетический анализ с элементами сравнительно-исторического и герменевтического. А "сочетание историко-литературного, теоретического и культурологического подходов, обусловленное спецификой литературного материала и характером поставленных задач, определило в качестве основной методологической базы обращение к трудам литературоведов,

занимающихся общими проблемами анализа художественного текста, анализом лирики, анализом циклических объединений (М.М.Бахтин, В.М.Жирмунский, Ю.М.Лотман, М.Л.Гаспаров, В.Е.Хализев, Л.Я.Гинзбург, Т.И.Сильман, М.Н.Эпштейн, М.Н.Дарвин, Л.Е.Ляпина, О.В.Мирошникова и др.), а также к трудам искусствоведов и литературоведов, исследующих на конкретном материале специфическую содержательность эстетики наивности в художественном примитиве".

Речь идет о "поэтике стилизаций" Белозерова, заимствовании в его произведениях ценностей и традиций поэтов 19-20 веков.

Речь идет и о феномене наивного художественного сознания и творчества, который обозначается с легкой руки Т.И.Подкорытовой как "художественный примитив". Выделены черты этого "примитива" в поэзии Белозерова.

Рассмотрены хронотопические особенности лирики Белозерова, выявлены аксиологические приоритеты "наивного художника".

В заключении диссертации отмечено, что поэтическое творчество Т.М.Белозерова - "одна из самобытных страниц в истории сибирской литературы 60-80-х гг. XX века. Пройдя достаточно сложный и в то же время во многом типичный путь литератора советской эпохи, он вошел "в ряд видных советских писателей для детей" (96, с. 172)".

Феномен лирики Белозерова, по словам Деменковой, лежит на стыке нескольких культурных сфер. Прежде всего - детской лирики и почвеннической поэзии (к слову, на мой взгляд, на основании последнего он может быть сравнен с Солоухиным - см. мою работу "Жанры лирики В.Солоухина").

Деменкова считает, что Белозеров - поэт "реального", земного мира (а ведь некоторые поэты назывались филологами певцами мира потустороннего). "Его художественный мир отчетливо геоцентричен, что подтверждает сравнительный анализ стихотворения Т.Белозерова "Ночлег" и стихотворения А.Фета "На стоге сена ночью южной". Взгляд субъекта лирического высказывания в лирике Белозерова сосредоточен на конкретной детали реального пространства, она максимально укрупнена, до предела заполняя все текстовое пространство и, таким образом, "точка" наделяется метонимической функцией - свидетельствовать о целом - о реальном мире, который представляет собой некий континуум, внутренне гармоничный и целесообразный".

3.Тема природы.

Стихи о родной природе ассоциируются чаще всего с летним временем. В это время Белозеров наблюдает за шмелями (стихотворение "Шмель"), за шумящими березами (стихотворение "Мчится в солнечной ракете"), за светлячками (стихотворение "Светлячок"). Все это приметы дорогой его сердцу родины.

В небольших стихотворениях, посвященной летней поре, речь идет и о совенке ("О чем кричал совенок в таинственном бору?"), и о речке, которая "искрится как мед", о бекасе и кукушке (смотри одноименные стихотворения). О коршунах, о жеребятках.

Есть и приметы малой родины - речь идет о большом, величавом Иртыше.

Уж то хорошо, что за окнами дома
Всё также течёт величавый Иртыш
И девичья песня с гудками парома
Плывёт в луговую полдневную тишь.

Отдельное стихотворение посвящено стригам. В стихотворении "В конопле" фигурируют воробей, синица, голуби и щеглы.

В поле зрения поэта - как домашние, так и дикие животные. Например, хитреца лиса, забравшегося в овин, он ласково кличет - "Лисовин".

Ряд стихотворений - "Ромашка", "Осенние цветы", "Осень", например, - посвящены осенней поре. она ассоциируется с печалью, разором, прощанием с теплотой.

Кажется, даже облака в это время стремятся на юг, -

Сверху – летние, снизу – осенние
Проплывают на юг облака.

За осенью наступает зима. Печаль усиливается - например, в стихотворении "Взошла луна. И свет ее печальный". Все в природе замирает - до будущей весны. Все обретает некую "тайну". Засыпает медведь в берлоге. Только зимние птицы шныряют по лесу. А также "лихо скачут белки". Оказывается, и в зимней поре есть своя поэтическая нота. Подробности зимней жизни видны в стихотворении "Водовоз" -

В шарф, в усы упрятал нос
Дядя Гриша, водовоз.
В сани с сеном вмёрзла кадка,
Льдом затянута ведро.
С чёлкой рыжая лошадка
Смотрит живо и хитро.

"Заяц", "Лиса-плясунья", "Снегири" - эти названия стихов о зимней поре говорят сами за себя. Человек не одинок и в эту пору. Его окружают птицы, животные (как сказала бы Юлия Хвостенко - легендарная староста 13 группы филфака). Завершается сборник 1983 года - "Апрель" - стихотворениями на весенние темы.

Как пишет одна из энциклопедий, "в 1970–80-е ведущим жанром в творчестве Б. становится лаконичная пейзажная зарисовка. Критика отмечает тяготение Б. «к акварельному эскизу, миниатюре, наброску» (С. Поварцов), вбирающим темы сибирской природы, малой родины, детства, гармоничной жизни в социуме, обеспеченной патриархальным бытовым укладом, крестьянским трудом". Л.В.Деменкова считала, что Белозеров - певец земного мира, склонный к худож. примитиву. Как сказать, как сказать.. Метафоры его порой отнюдь не примитивны.

На горе — берёзы да осины,
Дождиком расцвечена листва.
На припёке, в блёстках паутины,
Сушатся ядрёные дрова.
На горе стреноженная лошадь
Не спеша бредёт по облакам
И хвостом — лишь чуть трава поплоче —
Солнце бьёт по розовым щекам.

Впрочем, действительно, они уступают в изощренности многим поэтам, которых так и тянет высказаться изысканно (в формальном отношении). В природных, бытовых стихотворениях Белозерова будто как максимум два плана. Третий, четвертый, философский, идеологический, формальный - как будто отсутствуют.

Тишина в саду и в доме,
Спит телёнок у плетня.
Возле погребка в соломе
Воробьиная возня.

Домашние животные часто появляются в стихах Белозерова. Они похожи своими повадками на людей, чуть ли не очеловечиваются.

Еду,
Еду я с покоса,
Ночь осенняя темна.
В сене возятся колёса,
Ноют руки и спина.
Еду, лёжа на возу,
Лошадь
    фыркает
        внизу.
Вот и щами потянуло

Из протопленной печи.
Осветили переулок
Прясел
Белые
Лучи.
(стихотворение "С покоса").

В стихотворении "После птичьего прощального концерта" птицы, дающие "концерт", подспудно сравниваются с людьми:

Смолкли птицы. Выйдя из криницы,
Грач помчался за грачихой чёрной...
У лесной опушки, между ветками,
Словно в клубе между табуретками,
Стало пусто, сорно и просторно.

Тема природы воплощается и в стихах о животных. Речь идет не только о домашней живности, но и о дикой. В одной из белозеровских "Небылиц" находим:

Я видел подснежник в осеннем лесу,
Где заяц тащил по опушке лису
И волк за охотником крался...
Я слышал — охотник зубами стучал,
Я слышал, как он «Помогите!» кричал
И громко от страха смеялся!

Охотнику, волку, лисе и зайцу здесь приписывается "несвойственная роль", как сказали бы знатоки психиатрии из журнала "Наука и Жизнь".

В пьесе "Прощай, робот" лиса и волк, обнявшись, поют застольную песню -

Шумел камыш, деревья гнулись, -

правда, в своей версии.

А вот что пишет в работе "Презентация к внеурочному занятию по Омскому Прииртышью на тему: Тимофей Максимович Белозеров" учитель Елена Васильева:

- Скажите, пожалуйста, в каком городе мы с вами живем?
- В Омске.
- А вы знаете, чем богата наша родная Омская земля?
- Степные просторы, таёжные леса, полноводные и тихие тенистые реки, многочисленные озера и роскошные луга, богатый животный и растительный мир.

Так постепенно, исподволь автор урока подводит нас к теме белозеровского творчества.

- Я исходил и изъездил свой край вдоль и поперек... Все мои книги о том., что я видел”, – говорил поэт. А видеть довелось очень много!
- Давайте же узнаем что довелось видеть Т.Белозеру.
- Откройте учебники на с. 30.

Опять эти "опостылевшие школьные учебники", как говорилось в рассказе "Шахматный набор"! Уникальна не только сибирская природа, изображенная в стихах Белозерова, считает автор урока. Уникальна сама лексика, несущая подчас на себе печать того или иного прииртышского диалекта.

Тимофей Белозеров — сибиряк, и слова в его стихах встречаются особенные, диалектные, употребляемые только в Сибири. Знаете ли вы, что сибирское слово “лыва” означает “лужа”?

А если собственного опыта не хватает, как узнать значение слова?

А теперь определите значения следующих диалектных слов:

1 группа. В сказке “Бука” мы читаем:

“Рядом в кресле — бабка,
А у бабки шапка,
Одеяло
И пимы.
То-то было кутерьмы.”

Пимы — это:

- игрушки;
- одежда;
- книги;
- обувь.

2 группа.

В стихотворении “Бабушка” мы видим избу и “с шанежками печь”.

Бабушка
Бабушка Маланья!
Ласковая речь.
В туюсах варенье,
С шанежками печь,
Бабушка Маланья!
Колотый орех,
Санки, рукавицы,
Белый,
Белый
Снег!

Шанежки — это:

- рисунки;
- булочки;
- посуда;
- полотенца.

3 группа. Вертушок

Поёт в ограде вертушок
С хомутиком на спинке,-
Весёлый солнечный кружок
С гвоздём посерединке.
Он ветерку любому – брат,
С любым готов сдружиться,
С ним день и ночь вертеться рад
И день и ночь –
кружиться!

Вертушок означает:

- петушок;
- флюгер;
- беспокойный человек;
- верхушка растения.

Вот такие занятные задачки - загадки предлагает детям автор урока по творчеству Белозерова.

Забавный психологический этюд можно почерпнуть из сказки "Игнатовы страхи" ("Игнат из мурашек"). Герой сказки - сельчанин Игнат, который боится разнообразных явлений окружающего мира природы.

Когда он идет на охоту, то боится бродячего медведя. Когда идет на покос, - боится лая щенка у него за спиной. Во время сельского праздника - боится скрипа снежка.

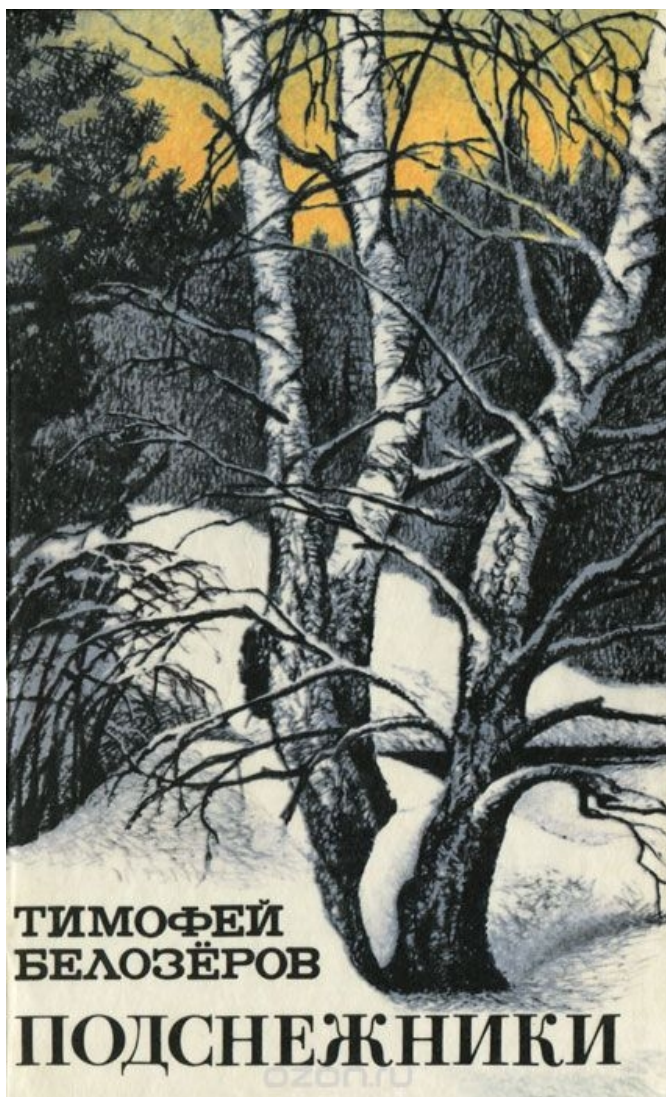
Финал сказки таков:

Недавно забрёл я в деревню Мурашки,
Где шляпы не в моде, а только фуражки.
Увидел я смелый весёлый народ,

Взглянул на Игната сквозь щёлку ворот.
Навек мне запомнилась эта картина:
Сидит здоровенный, обросший детина,
Сидит на крыльце у себя во дворе,
Привязанный к дому,
Как пёс к конуре!

Герой, которого пугают явления природы, не вызывает сочувствия у автора. Скорее поэт порицает его. Поэт Яков Аким, по словам Татьяны Ейды, очень точно заметил, что Тимофей Белозёров «живёт, ощущая себя частью родной сибирской природы, царства листвы, трав, бегущей воды, слышит и открывает нам удивительную музыку этого волшебного мира».

По мнению автора "Внеклассного мероприятия", Тимофей Белозёров знает родную сибирскую землю, её природу, её людей. "Знает и любит любовью искренней и трепетной. Эта любовь и трепетность передаётся совершенно естественно, без малейшего нажима".

Стихи Белозерова о природе действительно просты. Незамысловаты. Незаумны, оттого и легко запоминаются. Как, например, вот это -

Подкралась я на цыпочках
К весеннему ручью.
Играет он на скрипочке
Песенку свою.
Выводит тонко-тоненько
Невидимым смычком,

Танцует вальс соломинка
С берёзовым сучком.
(стихотворение "Ручей")

По мнению Т.Ейды, отличительная черта дарования Тимофея Белозёрова – наблюдательность. "Даже в самой обычной вещи поэт умеет открыть нечто интересное, заманчиво увлекательное. Он раскрывает перед тобой красоту мира и питает этим любовь к нему. Таковы его стихи «Таёжный светофор», «На радуге», «В жаркий полдень» и многие другие".

Вывод: своими стихами поэт создал огромный, многокрасочный ковёр родной природы. "И ты не перестаёшь восхищаться яркими красками этого прекрасного полотна".

Обращение к теме русской природы помогает автору раскрыть чувство любви к родине. Родина - это "бани, кузницы, лабазы", "школы и дворцы", базары, села, аулы и города Омской земли.

Был я в Глуховке и Таре,
Видал клюкву на базаре,
На весах, возле саней, –
Глыбы щук и окуней,
Был в Черлаке и Васисе,
В Чебоклах и в Интенисе,
Был в ауле Рыжий Лис,
Ел махан и пил кумыс.

Вот слова Елены Благиной (поэтессы, писавшей в основном для детей) о Белозерове, который приводит в своей статье "Встречи с Тимофеем Белозеровым" В.Новиков: «Стихи Белозёрова хороши тем, что они натуральны, как все, что окружает автора. Они — ветер и солнце, птицы и звери, цветы и снег.. В них нет ничего такого, что вызывало бы удивление: ах как это он здорово закрутил! Зато они обладают редкой особенностью совершенно точно передавать настроение поэта, к чему бы он ни прикоснулся — будь то пимы, которые ладит дед, или кузнец, подковывающий коня...»

В той же статье Новиков вспоминает, как Белозеров любил прогуливаться по набережной Иртыша.

Мне он с улыбкой признавался, что на набережной сочинять ему сам Иртыш помогает. И как этому не поверить, если вся жизнь Тимофея Максимовича с самой юности была связана с рекой: речное училище, плавание на судне по Иртышу и, наконец, после многих мытарств и неурядиц с жильем, получил он квартиру на Ленинградской площади с видом на мост и реку. Поэтому в творчестве Тимофея Белозёрова много стихов о реке. Речная тема проходит по всему творчеству поэта от первой книги до последних стихов.

(журнал "Сибирские огни", ноябрь 2004)

Благодаря автору статьи мы наблюдаем, как рождается одно из белозеровских стихотворений о родном Иртыше.

Из-под моста, толкая перед собой баржу, появился буксир и прошел мимо нас в огнях и весь дышащий теплом и уютom.

— Люблю Иртыш в вечерние часы!..— сказал Тимофей Максимович и вдруг от этих слов как-то вздрогнул. Посмотрел на меня и снова повторил эти слова.

— А ведь это стихотворная строка, Максимыч!

А стихотворение сочинилось такое:

Люблю Иртыш в вечерние часы.
Вот вспыхнул бакен, сумраком
зажженный.
И на краю белеющей косы
Притих рыбак, блесной вооруженный.
Прошел буксир с тяжелою баржой,
С цветами в рубке, с музыкой
прощальной.

И куличок, как будто всем чужой,
Заплакал вдруг
на отмели печальной...

"На мою восторженную похвалу он сказал:
— Эти стихи тебе и посвящаю!", - пишет автор статьи.

Явления природы подчас олицетворяются, очеловечиваются Белозеровым. Например, дождик он представляет в виде маленького персонажа в серебряных туфлях и синих чулках.

Никак не усну, хоть за окнами ночь.
И дождик весенний решил мне помочь:
Прошёлся по крыше, помедлил немножко –
И вот за окошками свесились ножки

В серебряных туфельках, в синих чулках,
По стёклам скользнули, скользнули, и – ах!
Зашлёпал мой дождик по листьям берёзы ...
- Уж ты извини, - зашептал он сквозь
слёзы.-

Сейчас я тебя убаюкаю, друг!
... И в комнату солнце нагрянуло вдруг!
(цит. по: Конкурс на лучшее чтение стихотворений о природе)

А как колоритен и естественен Лесной Плакунчик!
А мохнатая "страшила" Бука с ее совами? А огородный Подрастай?
Мир природы у Белозерова предельно живой - населенный рядом симпатичных соразмерных, понятных герою персонажей -

Я сижу на берёзе и вижу
Чёрных галок на дальнем жнивье,
В огороде подсолнушек рыжий,
Белый пух на гусиной траве.

Вижу речку, заросшую тиной,
У конторы гнедого коня,
Паучка с золотой серединой,
Пролетевшего мимо меня ...

Вывод, который делает автор "Конкурса" - "Своими стихами поэт создал огромный, многокрасочный ковёр родной природы. И ты не перестаёшь восхищаться яркими красками этого прекрасного полотна".

«Я поэт утренний! – говорил о себе Белозёров. – Поднимаюсь с постели, когда ещё напротив ни одно окно не светится. Завариваю крепкого чаю, сажусь к столу, и начинаю «путешествие в детство. Все мои книги – о Сибири. Я исходил и изъездил свой край вдоль и поперёк, многое не вмещается в стихи, поэтому наряду со стихами я пишу и прозу».

"Работа по утрам давала светлое впечатление об окружающей жизни, - считает безвестный критик с сайта Детской библиотеки города Северска, - потому и все стихи, рассказы и сказки проникнуты этой утренней свежестью, отмечены большой человеческой добротой".

Владимир Макаров так писал о Белозерове: «Всему живому – людям, соснам, ягоде морошке, бородатому глухарю, пашне, реке в разливе – нужна красота, нужна поэзия, и поэтому она, жизнь, возьмет порою и расщедрится – родит поэта. И тогда уж не пожелает для него самого сокровенного своего: и подснежники – его, и куличок на отмели – его, и деды-фронтовики – это его деды... Однажды в сибирской деревне родился мальчик, назвали его Тимой. Потом, через годы, жизнь избрала его – Тимофея Белозерова – в поэты...».

(цит. по: Поэт, мечтатель, философ Тимофей Белозеров).

В этих строках сделан акцент на том обстоятельстве, что Белозеров прежде всего является певцом родной природы.

Да и сами названия книг Белозерова говорят чаще всего о том, что поэт обращается к теме родной природы - «Цветные голоса», «Волшебный посошок», «Зимушка-зима», «Смородиновый куст», «Жаворонок», «Подснежники», «Апрель», «Лебедушка».

Мир окружающей героя природы относится зачастую к нему по-доброму. Автор стихов "сам он по-детски влюблен в окружающий мир и стремится передать эту любовь своим читателям. Поэт наделил этот мир добротой и гуманностью, лаской и дружелюбием. Ребенку туда входить не страшно: всегда найдутся добрые друзья и всегда они помогут, как помогают тоненькому ростку гороха окружающие растения" (Поэт, мечтатель, философ Тимофей Белозеров).

По словам автора статьи, поэт влюблен в свой край, в родную природу. И об этом говорят даже названия стихов, по которым "любой омич сможет догадаться, где происходят события: «Зачем я в Большие Уки к детям летал», «Люблю Иртыш в вечерние часы», «Речка Оша» и др". "Не случайно поэт так много писал о сибирской природе, а один из критиков назвал Сибирь Т.Белозерова «певучей и нежной». Сказано очень точно и подтверждений в стихах поэта предостаточно:

Сколько солнца в горах и простора!

Так и хочется варежки снять

И к теплу. На плечо косогора

Деревенку родную поднять..."

Как писала Ирина Токмакова в предисловии к книге стихов "Карасик" - «Стихи Тимофея Максимовича Белозёрова – глоток свежего воздуха, пронизанного солнцем, пахнущего цветущим ромашковым лугом... Только настоящий поэт с истинным чувством природы может увидеть зайчишку в первой снежинке, упавшей поздней осенью на луг, расслышать цокот оленьих копыт в шуме летнего легкого дождичка, назвать голубые подснежники Снегурочкиными слезами».

4.Тема детства.

Рассмотрим стихотворение "Утро поэта", помещенное Тимофеем Белозеровым в автобиографическом очерке -

Ещё играет где-то
Со звёздами рассвет,
А в комнате поэта
Горит счастливый свет.
Взволнованно словечки
Друг друга тормошат,
И к речке человечки
В сандаликах
Спешат.
Выходят на дорожку
Рогатые жучки,
Садятся на ладошку
Ночные мотыльки,
И щедро сыплет лето
Черемуховый цвет...
Горит в окне поэта
Счастливый
Тихий
Свет.

(цит. по: Ю.М. Мостков «Писатели о себе»).

Стихотворение предваряют следующие строки: "Мечтаю написать книжку стихотворений –сказок, «настоянных» на реальной жизни, в которых бы дети видели себя, окружающий мир. Дети любят необычное и всюду неутомимо ищут его, на что иногда не хватает терпения нам, взрослым. Чем

дальше мы уходим от детства, тем меньше становимся непосредственными. Впрочем, говорят, что в старости человек впадает в детство. Подожду этой поры – может быть, удастся написать хорошую детскую книгу!"

Тема детства в стихотворении, которое приведено выше, воплощается и грамматически - с помощью уменьшительно-ласкательных суффиксов (словечки, человечки, дорожку, ладошку, жучки). Данные слова проторяют дорогу в маленький детский мир, знакомый читателю белозеровских стихов.

Помимо всего прочего - детство с стихотворении ассоциируется с летней порой - самым благоприятным временем для исследования окружающего мира.

Жуки, кстати, как примета мира детства появляются и в стихотворении "Детство" -

Девочка с венком на голове
Посреди сияющего лета...
Сколько ягод в спутанной траве,
И цветов, и солнечного света!
.. Заползают медные жуки
На её резиновые боты.

Они тоже появляются летней порой. Так же, как и облачко из одноименного стихотворения - "уж не из детства ли" тебя принесло, спрашивает поэт.

Одно из стихотворений посвящено корове, дающей "благодатное парное молоко".

О своем детстве и о том, как оно отразилось в его стихах, Белозеров написал в послесловии к сборнику "Апрель" -

Я родился в большой крестьянской семье, воспитывали нас в труде и строгости. С малых лет мне пришлось жить самостоятельно. Шла война. Я жил в Омске и Омской области, сапожничал, был учеником столяра и художника, расчищал от снега железнодорожные пути, работал с лесозаготовителями.

Трудное детство, на мой взгляд, не проходит даром для писателя: обостряются все чувства, многое помнится больше и яснее.

Детство поэта само по себе обеспечивает глубину, неоднородность его взгляда на явления природы и жизнь людей. Энциклопедия пишет, что "о творчестве Б. высоко отзывались многие известные детские поэты, писатели: Е. Благинина, Ю. Коринец, С. Баруздин, А. Барто, И. Токмакова, Я. Аким, В. Берестов и др., отмечая некую «пограничность» мироощущения сибирского поэта, которая проявилась в органическом сочетании детскости видения мира, обеспеченной живой, памятью детства, с зоркостью и наблюдательностью, глубоким знанием мира, что и определяет своеобразие творчества Б., занявшего нишу между «взрослой» и детской поэзией".

О теме детства у Белозерова так размышляет Анастасия Меновщикова (ученица 4 класса - в 2010 году):

В стране Детства невозможно без чуда. И поэт населяет свои книги добрыми и сказочными существами. Это Огородный Подрастай, Лесной Плакунчик, Дворовичок. Как и реальные герои, эти маленькие добрые колдуны занимаются простыми делами. Подрастай помогает овощам и плодам наливаясь спелым соком; Плакунчик утешает ребят и зверят, которые попали в беду; Дворовичок наводит порядок на городских улицах.

Огородный Подрастай подарил цветы картошке, попросил ветер разогнать тучи, позвал птиц спасать от гусениц огород, то в гнезде погладит птицу, то прогонит в норку мышшь, то с листка стряхнет землю... А живет Подрастай только в том огороде или даче, где порядок на грядках. Читая такую сказку сразу верится, что и правда среди растений прячется Подрастай. И так хочется навести порядок и в нашем саду, помочь бабушке, чтобы скорее и к нам заглянул Подрастай.

Дворовичок сидел нестриженный, немытый, грустил , хозяином забытый, но вдруг пришла Настя и позвала Дворовичка, дала ему метёлку.

...Он прыгал и смеялся,
Как малое дитя
К метелке прикосался,

Слезинками блестя...

Вот так легко сделала Настя счастливым седого Дворовичка.

Поэт сочувствует даже Буке, которой пугают детей. Дескать, несладко ей одной в глухом лесу. Только совы ей и помогают.

А вот фрагмент биографии Белозерова, помещенной на сайте "литературный Омск" -

Белозеров Тимофей Максимович родился в 1929 году в селе Камыши Курганской области. Окончил Омское речное училище. Работал на судоремонтных заводах в Барнауле и Омске, на заводе имени Попова. В 1957 году в Омском книжном издательстве вышла его первая книга «На нашей реке». В 1962 году был принят в Союз писателей СССР. В 1963 году окончил заочное отделение Литературного института им. А.М. Горького. Белозеров – автор более 70 детских книг, вышедших в различных издательствах России в Москве, Омске, Новосибирске и других городах. Лауреат премии Омского комсомола (1972 г. за книгу «Цветные голоса»). Заслуженный работник культуры РСФСР (1976).

Как видите, и здесь в первую очередь Белозеров аттестован как автор, увлеченный темой детства. Об этом же говорят названия его сборников, которые помещены на этой же страничке "Литературного Омска".

На сайте "OBookRu" также говорится о том, что Белозеров, в первую очередь, - детский поэт.

Вот как выглядит начало его биографии на этом сайте:

Тимофей Максимович Белозёров Дата рождения: 23 декабря 1929 Место рождения: село Камыши, Утятский район, Курганский округ, Уральская область, РСФСР, СССР (ныне Куртамышский район Курганской области) Гражданство: СССР Род деятельности: поэт Годы творчества: 1953—1986 Направление: лирика, поэзия для детей Жанр: стихотворение Язык произведений: русский Дебют: «На нашей реке» Премии: Премия Омского комсомола.

Лаконично, и вместе с тем как будто бесспорно.

Здесь же отмечено, что Тимофей Максимович является автором более 60 "детских книг", вышедших в различных издательствах Москвы, Омска, Новосибирска и др. Общий тираж составляет около 16 миллионов экземпляров. Четыре книги Белозёрова вошли в серийные издания: «Лесной плакунчик» (1979), «Зимушка-зима» (1989), «Карасик» (1981), «Журавкин праздник» (1990).

Как детского поэта характеризует Белозерова автор статьи на сайте "Бизнес курс" Оксана Дубонос.

Иметь в земляках такого большого поэта, как Тимофей Белозеров, - большая честь для любого города. Но выпала она Омску, где в комнате с видом на Иртыш в доме №2 по улице Валиханова поэт написал свои лучшие стихи, ставшие детской классикой. Белозерова дважды приглашали в Москву возглавить знаменитое издательство "Малыш". Его книжка "Карасик" выходила двухмиллионным тиражом. А общий тираж прижизненных изданий поэта подходил к шестидесяти миллионам!

Здесь же приведены описания встреч Белозерова с небезызвестным Аркадием Кутиловым ("Любопытно, что писатель Владимир Новиков уверяет, что стихи Белозерова обожал поэт Аркадий Кутилов. Он часто декламировал их в коридоре редакции «Омской правды» или на улице и с сожалением добавлял, что «вот такого большого поэта в Омске не все знают, особенно взрослые». Однажды Кутилов нарисовал Белозерова, повесил его портрет на магазине «Тысяча мелочей» и подписал «Мой любимый поэт Тимофей Белозеров»").

В своей работе "Внеклассное мероприятие "Я исходил и изъездил свой край"" Татьяна Ейда не зря приводит высказывания критиков о Белозерове, раскрывающих его как поэта, пишущего для детей -

Иван Яган писал в одной из своих рецензий: «Представляю ту огромную территорию, на которой разойдутся книжки нашего земляка, вижу тысячи малышей, слушающих и читающих эти стихи. И радуюсь: много полезного и интересного узнают дети».

А Ефим Беленький, оценивая творчество Белозёрова, сказал, что «это серьёзный и полезный труд поэта-педагога, в меру своего дарования помогающего духовно встать на ноги большой массе маленьких читателей».

Именно так. Не просто детский поэт, а поэт-педагог, поэт-наставник, поэт-учитель.

В статье Ирины Платоновой, опубликованной на портале "Два берега - СПб - Ру", которая называется "Волшебный мир Тимофея Белозерова", отмечено, что уже при жизни Белозеров воспринимался как живой классик. Здесь же сказано, что его стихотворения - не только для детей, но и для взрослых.

"В волшебный мир Тимофея Белозерова, обладающего счастливым даром всюду находить поэзию, влюблены не только дети. На его стихах и сказках выросло уже не одно юное поколение. У него нет резкой грани между стихами для детей и для взрослых.

– О том, что Белозеров писал стихи не только для детей, говорят некоторые публикации в толстых взрослых журналах, к примеру в таком, как «Сибирские огни», отдавшие свою страницу «взрослой» лирике поэта, – говорит известный омский поэт, автор яркой книги воспоминаний о Тимофее Белозерове Владимир Новиков. – У некоторых составителей даже возникла идея издать сборник поэта для взрослого читателя. Но замысел этот пока не осуществился. Лишь омский литературный сборник «Складчина-2» в свое время отважился на публикацию «взрослых» стихов, которые еще раз напомнили читателям о яркой, самобытной, легко узнаваемой в большом поэтическом потоке светлой струе белозеровской поэзии".

Автор статьи "Поэт, мечтатель, философ Тимофей Белозеров" отмечает, что поэт воссоздает в своих произведениях целую "страну Детства". В ней живут понятные детям персонажи. «Это Огородный Подростай, Лесной Плакунчик, Дворовичок».

Самого поэта с детства "сопровождали" книги. Вот как пишет о Белозерове автор небольшой статьи на Региональном сайте детских библиотек:

Родился Тимофей в глухом таежном селе с уютным названием Камыши. Семья Белозеровых была крестьянская, большая. Воспитывали детей в строгости, в любви к земле и работе. Не забывали и о книгах - читали Андерсена, Пушкина, Некрасова, Толстого. "До сих пор помню волшебный запах типографской краски, исходящий из раскрытой детской книжки с картинками Билибина..." - рассказывает Белозеров. "Широкая русская печь, заваленная сырыми полушубками и валенками, а в руках моей сестры - книга. Слушаю - и словно сам иду по лесу, вхожу в медвежью избушку, сажусь на мишуткин стульчик и ем похлебку".

С детства будущий поэт учился видеть в окружающем мире красоту и поэзию (как банально бы это ни звучало).

Неудивительно, что первые книжки Белозерова, вышедшие в свет, предназначались для детей. "В эти годы у него одна за другой выходят книжки для детей: «Весна» (1958), «Лесной скрипач» (1960), «Гудки над рекой» (1962), «Огородный Подростай» (1962), «Лесные качели» (1963) и др", - пишет автор фотобиографии Белозерова на сайте "Современный русский".

5.Тема труда.

Тема труда связана порой с сюжетом возведения "города на Иртыше" (смотри одноименное стихотворение), с историей родной стороны.

Пришёл человек.
Вытер лоб рукавом,
Сбросил лёгкую кладь,
Под руками — двуречье,
Простор, благодать!
Застучал в сосняке
Головастый топор,
Опоясал избу
Островекий забор.

Для того, чтобы возвести город, необходимо было приложить упорный труд, считает автор. На сайте "Хронос" помещена биография Белозерова, и отмечено обращение автора к теме крестьянского труда - "Критика отмечает тяготение Белозёрова «к акварельному эскизу, миниатюре, наброску» (С.Поварцов), вбирающим темы сибирской природы, малой родины, детства, гармоничной жизни в социуме, обеспеченной патриархальным бытовым укладом, крестьянским трудом". Речь идет и о теме детства. Цитируется работа Л.В. Деменковой, в которой акцентируется "детский взгляд" автора на явления окружающего мира -

О творчестве Белозёров высоко отзывались многие известные детские поэты, писатели: Е.Благинина, Ю.Коринец, С.Баруздин, А.Барто, И.Токмакова, Я.Аким, В.Берестов и др., отмечая некую «пограничность» мироощущения сибирского поэта, которая проявилась в органическом сочетании детскости видения мира, обеспеченной живой, памятью детства, с зоркостью и наблюдательностью, глубоким знанием реального мира, что и определяет своеобразие творчества Белозёрова, занявшего нишу между «взрослой» и детской поэзией.

(Использованы материалы кн.: Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги. Библиографический словарь. Том 1. с. 190-192.)

В. Новиков отмечает, что стихи Белозерова подчас посвящены его собственному труду, труду поэта. После того, как Белозерова приняли в члены Союза писателей, он был свободен не работать на заводе.

«Работал я как-то в мастером на радиозаводе в литейном цехе. Работа тяжелая. Жара. Духота. Придешь домой — голова чугунная. Для творчества только ночь. Сядешь на кухне над листком бумаги, а голова забита всякой производственной чепухой — и в сон так и тянет. Но все же иногда удавалось что-то сочинить, и первые тонкие книжки даже издал».

Рассказывается, как Белозеров с женой жили на ее зарплату учительницы. Прослеживается история написания стихотворения "Утро поэта". Автор статьи посылает Белозерову открытку - репродукцию с картины Петра Кончаловского «Окно поэта». "На ней было изображено окошко дачного дома, раздвинуты шторы, за окном только что выпал первый снег, в комнате на круглом старинном столе — бронзовый подсвечник с погашенной свечой, спички и книги. Этакая идиллическая картинка из жизни живущего где-нибудь в известном писательском Переделкино поэта, располагающая к уюту, покою, хорошему утреннему настроению".

Через несколько дней в телефонном разговоре Белозеров благодарит за открытку и отмечает, что она способствовала рождению нового стихотворения. Вот его начальные строки:

Еще играет где-то
За окнами рассвет,
А в комнате поэта
Горит счастливый свет.
Взволновано словечки
Друг друга тормошат,
И к речке человечки
В сандаликах
Спешат..

Кстати, в этой же статье творчество Белозерова сравнивается со стихами Ивана Бунина и утверждается, что Белозеров вырос как поэт благодаря в том числе и стихам Бунина. Приводится пример из бунинского «Детства»:

Чем ярче день, тем сладостней в бору
Дышать сухим смолистым ароматом...
А вот строки из белозёровского стихотворения:
День сух и ясен. Блещут ковыли,
Шумят, преодолая зной, березы...
Или из другого:
Темно и тихо. Слышно за версту,
Как в теплых стенах лопаются бревна.

А ведь это "тот же стихотворный размер, та же неторопливая поступь слогов, та же интонация.. легко угадывается бунинская музыка стиха". Прослеживается история успеха и публикации белозеровской "Буки". Она была прочитана в омской Пушкинке на открытии "Зимы". Затем прочитана Белозеровым по телевидению. И наконец, разошлась "мгновенно", будучи изданной отдельной книжкой в Средне-Уральском книжном издательстве с цветными рисунками известного книжного графика Льва Токмакова. О трудовом пути Белозерова пишет на своей странице в интернете Центральная детская библиотека города Северска:

Был он учеником столяра и художника, сапожником, приходилось ему и расчищать железнодорожные пути от снега. После войны учился в Омском речном училище, плавал по сибирским рекам. Затем была в его жизни ещё одна нелёгкая работа – мастера в литейных цехах.

Именно в заводские годы своей жизни, тоскуя по рекам, сибирской тайге, Белозёров начал писать стихи. Вначале печатались они в газетах и журналах, затем стали издаваться отдельными книгами.

6.Послесловие.

Наследие Тимофея Белозерова осталось немалое. Прежде всего это его книги, выпущенные многотысячными тиражами. Его именем называют учреждения культуры. Его памяти посвящаются поэтические мероприятия. А мемориальный камень поэту Тимофею Белозёрову на бульваре Мартынова (г. Омск) установлен в августе 2005 года.

"Инициатором создания комплекса памятников литераторам – «Аллеи литераторов» – выступил омский краевед, руководитель общественной организации «Общество коренных омичей» Владимир Иванович Селюк. В 2001 году на бульваре Мартынова – улице в центре Омска, названной в честь поэта Леонида Мартынова, – основали аллею литераторов, где омичи решили увековечивать имена поэтов и писателей, чьи судьбы были связаны с Омском, устанавливая памятные (закладные) камни, на месте которых со временем могут быть возведены памятники, выполненные в виде скульптуры" ("Мнемосина").

Белозерову также посвящаются статьи и воспоминания. "Вышла замечательная книга воспоминаний о поэте «Шел он по солнечной гриве» (составитель В.Новиков). Рассказы, включенные в книгу, написаны тепло, с мягком юмором и огромным уважением к большому таланту нашего земляка". И еще одну из подобных статей Вы только что прочли.

Омск. Июнь 2023 года.

Рассказы-шкатулки Владимира Набокова.

Содержание:

1. Введение.
2. О рассказах Набокова в целом.
3. Об отдельных рассказах Набокова.
4. Библиография.

1. ВВЕДЕНИЕ.

Среди моих многочисленных и порой обширных работ о Набокове прежде мало внимания уделялось его рассказам. Необходимо сейчас заполнить этот досадный пробел. Ведь, как говорит А.С.Мулярчик, «Набоков-прозаик, наследник и истовый жрец великого русского литературного языка, начинается все-таки с рассказов».

Рассказы – совершенно особый жанр для Набокова. В жанре малой литературной формы ему удается лапидарно выразить мысли, свойственные для его более крупных произведений – романов и повестей. Часто в рассказах встречается образ, который затем получает более развернутое воплощение в романе. Поэтому рассказы представляют собой своеобразные ШКАТУЛКИ, открыв которые, читатель знакомится с россыпью красивых, примечательных образов, афоризмов, сентенций, героев, персонажей.

Откроем «Большую энциклопедию Кирилла и Мефодия» (издание 2005 года для ПК). Найдем определение «шкатулки».

ШКАТУЛКА, –и, ж. Небольшой закрывающийся ящик для мелких вещей. *Старинная ш. с инкрустациями. Швейная ш. (для швейных принадлежностей).*

Музыкальная шкатулка — механический заводной музыкальный инструмент в виде ящичка, воспроизводящий какую–н. мелодию.

Итак, в шкатулке могут быть собраны мелочи, «камешки» (как говорил Солоухин), примечательные как сами по себе, так и в связи с их использованием в более крупных творениях. А если воспользоваться определением «Музыкальная шкатулка», то мы видим, что в такой шкатулке в миниатюре могут быть даны целые мелодии (применительно к литературе – сюжеты и мотивы), вызывающие в памяти другие произведения как самого Набокова, так и российских и зарубежных авторов. В этом случае речь пойдет о том, что принято в среде литературоведов называть «интертекстуальностью».

Рассказы Набокова вызывали в свое время самые разнообразные отклики. Больше было позитивных. Так, Николай Мельников в книге "Портрет без сходства" приводит выдержки из дневника Веры Буниной, в котором она отзываясь о рассказах Набокова. ""Звонок" - очень хорошо. Но жестоко и безпоощадно. Он умеет заинтересовывать и держать внимание. Фокусник сидит в нем, недаром он так хорошо изобразил его в "Картофельном эльфе". Второй рассказ "Письмо в Россию" - хорошо, но пишет он о пустяках". "Читали два рассказа Сирина, "Сказка" и "Рождество". "Сказка".. поражает своей зрелостью. И как чудесно он выдумал черта, - стареющая толстая женщина. Как он все завернул, смел очень. А ведь почти мальчишкой писал. Все знает.. Не знает одного - России, но при его культурности, европеизме, он и без нее станет большим писателем".

Хвалил Набокова и Михаил Морозов в письме Вадиму Рудневу от 30 июля 1936 года - "Весна в Фиальте Сирина написана живо, много оригинальных мыслей, так же как характеристик действующих лиц. Слог энергичный, "нервный", мне очень нравится, но сама главная героиня, так же как личность героя.. могли быть заменены более симпатичными типами" (ПБС, 2013, 39).

Впрочем, не все были в восторге от стиля, сюжетов и образов прозы Набокова. Вот что пишет Иван Шмелев (автор, не чуждый показной религиозности) в письме Ивану Ильину от 18 июля 1935 года:

Сладкопевчую птичку Сирина.. полячок Худосеич - из злости! - и желчной зависти и ненависти к "старым".. - превознес, а всех расхулил - "жуют-пережевывают".

Сирина еще не опробовал я, но наперед знаю его "ребус". Не примаю никак. И протчих знаю. Не дадут ни-че-го. А Сирин останется со своими акробатическими упражнениями и жонглерством "все в

том же классе", как бы не лезли из кожи Ходасевичи и Гады. Сирин, к сожалению, ничего не дал и не даст нашей литературе, ибо наша литература акробатики не знает, а у Сирина только "ловкость рук" и "мускулов", - нет не только Бога во храме, но и простой часоуенки нет, не из чего поставить.
(ПБС, 2013, 37)

Автор антинабоковскогo памфлета "Заметки читателя" (1961) облек свою неприязнь к присателю в рифмованную форму:

Затем, о Сирине трубя,
влюбился в самого себя.
В своем величии убог он:
он, как Нарцисс, собой растроган,
свои лишь прелести любя.
Он врожит, ошеломляет,
Словами - щедр, душою - скуп,
И вещь любая оживает;
Но человека он не знает..

Как не вспомнить старое высказывание критика о том, что у героев Набокова нет чего-то главного, может быть, души.

2. О рассказах Набокова в целом.

В диссертации "Слово и имплицитный смысл в ранних рассказах В.В. Набокова: на материале сборника "Возвращение Чорба"" Елена Бакланова отмечает, что сложность, смысловое и языковое богатство, неоднозначность произведений В.В. Набокова дают возможность их изучения в разных аспектах.

Какой метод выбрать? Мондри и Мулярчик предлагают литературоведческий анализ. Голикова исследует формулу творчества писателя и поэта. И.Петров рассматривает набоковские произведения как парадигму художественности, вобравшую в себя и философию, и литературу. Приводятся и выдержки из моей работы о Набокове и Пушкине.

Так, И.А. Петраков (1999) отмечает наличие пушкинского подтекста в следующих произведениях писателя: «Отчаяние», «Дар», «Весна в Фиальте», «Соглядатай», «Камера Обскура», «Лолита», «Лебеда», «Другие берега», «Подлец». Исследователь считает, что набоковские «импровизации» на заданные Пушкиным темы играют существенную роль при создании новых смыслов прозаического текста» (Петраков, 1999, с. 154).

Набоков некоторыми рассматривается как автор "игровых" текстов. "Игре со словом и словотворчеству посвящены работы В.Н. Виноградовой, И.С. Улуханова (1996), А.М. Люксембург (1997), А.М. Люксембург, Г.Ф. Рахимкуловой (1996), М.Д. Шамянуовой, Л.Г. Ефановой (2000)".

Бакланова рассматривает ряд набоковских концептов, характерных для сборника "Возвращение Чорба".

1. Город. Набоковский город - абсолютно гармоничное пространство, считает исследовательница. Это "космос", в котором движутся, живут герои. Составляющие гиперконцепта город при этом - концепты улица, дом, театр, гостиница, фонари, асфальт, автомобиль, трамвай, извозчики, таксомоторы, поезд. Особо наполнены эмоциональный и символический слой концепта "город". В смысловом наполнении прослеживается вертикаль "земное" - "небесное". Набокова исследовательница в итоге называет "автором-урбанистом".
2. Женщина. На уровне лексики концепт проявляется разнообразно. Героини и персонажи Набокова - разные по возрасту, социальному статусу, способам "жизни" в тексте (непосредственное воплощение или о ней мы узнаем со слов другого персонажа). Женщина может быть адресатом письма. Женщина появляется на экране кинематографа, женщину напоминает манекен в витрине магазина.
3. День и ночь. С ними связано душевное состояние героя: гармония, дисгармония, и независимость одного от другого.
4. Счастье. Оно нередко осмысливается на уровне понятий "жизнь" и ..

В диссертации "Поэтика сборника рассказов В. Набокова "Возвращение Чорба"" Юлия Львовна Глобова приводит высказывания критиков-современников о Набокове:

Критик С.Савельев (С.Г.Шерман) сравнивал повествования Сирина с "роскошными гобеленами", конечно же, имея в виду "великолепную словесную ткань". П.Бицилли в статье 1939 года, писал, что "в игре с языком, в степени смелости при пользовании приемами художественной изобразительности Сирин идет так далеко, как, кажется, никто до него". Г.Иванов в первом номере альманаха "Числа" за 1930 год признавался, что у Сирина "слишком сочная кисть", хорошо сработанная, технически ловкая, отполированная до лоску литература.

Г.Струве сравнивает Набокова с шахматистом, создающим сложные комбинации. Ходасевич - с фокусником, который тут же показывает подкладку своих чудес. Впрочем, критики не увидели глубины и многогранности рассказов Набокова 20-х годов, считает автор диссертации.

Глобовой ближе всего появившиеся значительно позже концепции Д.Пэкмена и Дж.Конноли - "Дж. Конноли в книге Nabokov's Early Fiction: Patterns of Self and Others (Ранняя проза Набокова: оппозиция "Я" - "Не-Я") выделяет основные тематические доминанты творчества: нарративная структура прозы Набокова; металитературный и интертекстуальный аспекты творчества и связи Набокова с русской, англо-американской, французской литературными традициями; мотивная структура набоковского метатекста; метафизические аспекты творчества Набокова. Дж.Коннолли в определенном смысле подытожил те положения, которые разрабатывались другими исследователями, и оформил их в принципы построения художественного мира писателя с точки зрения исследователя-структуралиста. Д.Пэкмен и Р.Мейер в 1994 году обращаются к исследованию металитературного и интерпретационного планов набоковской прозы. Литературный текст начинает рассматриваться не по отношению к "реальности", а по отношению к интерпретационной сети, внутри которой он находится".

Также работа Глобовой содержит обзор современных исследований о рассказах Набокова (от Анастасьева ("Феномен Набокова") до Михайлова и И.Есаулова).

Речь идет о диссертациях по рассказам Набокова, защищенным в 90-е годы прошлого века.

Сама Глобова постулирует биспациарность природы мироощущения у Набокова и многоуровневую природу его текстов с иерархией "реальностей". Поэтому сборник рассказов ВЧ и охарактеризован как компонент метатекста Набокова, единство, переходный метажанр на пути к роману.

В кандидатской диссертации "Авторская модальность как организующая категория художественного повествования: На материале сборника рассказов В. Набокова "Весна в Фиальте"" Екатерина Зорина предполагает, что тема тирании или, как определил ее Андрей Битов, - "тема хама и насилия" (Битов 1990: 11)- объединяет рассказы: «Королек», «Посещение музея», «Лик», «Истребление тиранов», «Облако, озеро, башня».

Автор диссертации в заключении рассуждает о «представителе автора», который появляется к конце рассказа «Набор» и в начале рассказа «Облако, озеро, башня», - "для Набокова это категория, которая соотнесена и с именем на обложке, и со всеми субъектами повествования в тексте произведения. Только он является в полном смысле представителем автора в произведениях Набокова. «И «нарративный» и дискурсивный повествователи, и Автор — одно лицо, меняющее маски; и так же, как меняются маски, меняется характер сообщения (текста) и самоидентификация читателя» (Дымарский 2001а: 289)".

В диссертации "Сборник рассказов В. В. Набокова "Весна в Фиальте": Поэтика целого и интертекстуальные связи" Ирина Карпович говорит, что набоковеды отмечают, что произведения писателя как бы предполагают продолжение: "они являются фрагментами глобального художественного целого. Отдельные произведения связаны друг с другом, взаимодействуя в мире Набокова, они проясняют и обогащают друг друга, придавая всему творчеству писателя свойство метаконструкции".

И.Толстой считал, например, что рассказы Набокова - это отпочкования при работе над романами. А В.Гусев и П.Паламарчук "устанавливают связь произведений "Машенька", "Другие берега", "Адмиралтейская игла", полагая, что в основе романов и рассказа, вошедшего в анализируемый нами сборник, лежит одна и та же тема".

Отмечено, что А.Мулярчик "обращает внимание на автобиографический подтекст в рассказе "Адмиралтейская игла", замечая, как и ряд других исследователей, что в этом произведении явно слышны отголоски романа с "Тамарой". А как одну из основных тем в творчестве писателя,

нашедшую отражение в рассказе "Посещение музея", литературовед выделяет тему сопоставления прежней России с границей (проводимого чаще всего не в пользу последней)".

Сказано также, что анализу пушкинских мотивов в рассказе В.Набокова "Весна в Фиальте" посвящено исследование А.Асояна и Т.Подкорытовой. "В статье отмечено, что пушкинская кровь питала самое сердце набоковской русской прозы, а в рассматриваемом рассказе присутствуют как прямые, так и не очень явные отсылки к текстам поэта (выделяются аллюзии на роман "Евгений Онегин", стихотворения "Зимняя дорога", "Ты и вы")."

В диссертации "Проза поэта: лирические компоненты стиля В.Набокова: На материале сборника рассказов "Весна в Фиальте"" Ким Юн Ен так говорит о связях рассказов Набокова с его более крупными произведениями: "В современном набоковедении преобладает взгляд на рассказы Набокова как на лабораторную мастерскую, в которой испытывались тематические, сюжетные и стилистические ходы будущих романов. Разумеется, рассказы писателя тесно связаны с его романами и часто являются либо предварительными набросками, либо дополнениями к романам". Приводятся слова самого писателя о том, что рассказ это, дескать, "маленький спутник, вращающийся вокруг романа».

Среди исследований, посвященных набоковским рассказам, выделяются работы П.Тамми и Дж.Конноли («Nabokov's Early Fiction»). А также работа М.Шраера «The World of Nabokov's Stories», Вывод, который делает Ким в заключении своей диссертации: именно поэтический субстрат во многом определяет своеобразие новеллистики Набокова. Набоковская вера в то, что путь к истине лежит через слово, близка утверждению Хайдеггера, считавшего, что «логосность» древнегреческого языка (самого подходящего языка для постижения высшего бытия), которой лишены все современные языки, проявляется именно в языке поэзии .

Итак, "смысл глубинных метафизических проблем может проявиться только через словесную фактуру художественной литературы. Разумеется, к этому стремился не только Набоков, но и его предшественники. Вернее было бы сказать, что эта вера в слово, поэзию и делает Набокова настоящим наследником Серебряного века".

В статье СИНЕСТЕТИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ В РАССКАЗАХ В. НАБОКОВА Ю.М. Купцова говорит о синестетическом даре Набокова, приводя следующую цитату:

Цвет. Я думаю, что родился художником – правда! – и, кажется, до своих четырнадцати лет проводил большую часть дня рисуя, и все думали, что со временем я стану художником. Всё же я не думаю, что обладал настоящим талантом. Однако чувство цвета, любовь к цвету я испытывал всю свою жизнь. И ещё я наделён чудаческим даром, видеть буквы в цвете. Это называется цветным слухом. Возможно, таким талантом обладает один из тысячи.

(с. 83).

Речь в статье идет о следующих синестетических комплексах:

1. Синтез акустических и обонятельных перцепций. Слуховые впечатления ассоциируются с вкусовыми.

Например, «Профессор засмеялся сочным скрипучим смехом» («Мечь», 1924 г.).

2. Синтез визуальных и осязательных ощущений.

Например, «<...> тёмной, алой тяжестью наполнялось нутро» («Адмиралтейская Игла», 1933 г.), «В лицо ему ударил блистательный мороз» («Рождество», 1924 г.);

3. Синтез осязательных и акустических ощущений.

Например, «Это слово мягко звенело у него в душе» ("Мечь").

Т. Г. Кучина и И. А. Леонидова в статье "Акустические и музыкальные образы в русскоязычных рассказах В. Набокова" пишут о том, что в рассказах Набокова музыка отчетливо противопоставляется "другим акустическим сферам (шуму дождя, движению ветра, звону детского ведерка) как мир профанный, как «чужая» речь на непонятном языке".

Приводится высказывание Набокова из "Других берегов": «...увы, для меня музыка всегда была и будет лишь произвольным нагромождением варварских звучаний. Могу по бедности понять и принять цыгановатую скрипку или какой-нибудь влажный перебор арфы в "Богеме"... но концертное фортепиано с фалдами и решительно все духовые хоботы и анаконды в небольших дозах вызывают во мне скуку, а в больших – оголение всех нервов и даже понос»

Однiко в пику этой мысли Набокова отмечено, что рассказы писателя всегда скупрулезно отделаны с точки зрения акустики.

Вот как, например, описывается шум дождя с помощью щелевых согласных: «шел сильный дождь, заглушавший шум моря. Как мы счастливы. Шелестящее, влажное слово “счастье”, плещущее слово, такое живое, ручное, само улыбается, само плачет» («Музыка» [3, с. 341]); «Широко и шумно шел дождь» («Гроза» [3, с. 130]), «Бисерный осенний дождь моросил как бы шепотом» («Звонок» [3, с. 240]).

Иногда повторяются "р" - обозначающие редкий дождь, стучащий, например, по подоконнику - "свежо и скользко шумя, неслись громадные серебряные призраки", «ударяясь о подоконник, брызгал на паркет», «там и сям накрапывала русская речь».

А вот акустический образ звонкого ведра в руках у девочки из рассказа "Порт" - «ловила звонким ведром сверкавшую струю».

В статье "Феномен суицида в русскоязычных рассказах В. Набокова" Лебедева Виктория Юрьевна (Елецкий ГУ им. Бунина) рассматривает в связи с заявленной темой рассказы «Удар крыла» (1923), «Случайность» (1924), «Сказка» (1925), «Письмо в Россию» (1925), «Оповещение» (1934), «Лик» (1938), «Василий Шишков» (1939).

Сюжет сделки с чертом есть в рассказе "Сказка", считает автор статьи. "Тайно похотливый юноша Эрвин, мечтающий собрать гарем, встречается готового подсобить искусителя под личиной пожилой госпожи Отт, имеющей, как и Монфиори, невзрачную внешность с зооморфными чертами, тусклый голос и ауру нечеловеческого равнодушия. В отличие от козьеглазого собрата, она сразу раскрывается и хвастает, что довела до самоубийства нескольких молодых людей".

В рассказе "Лик" суицидент (как выражается автор статьи) - Колдунов, третировавший Лика еще в школе, "пропойца и хам".

В «Лике» акцент сделан на социальном аспекте и расплате. Открывая мысли суицидента в «Случайности», тут Набоков дает его «собрату» высказаться, и Колдунов подтверждает репутацию пройдохи и агрессора. Также О. Титов, исследовав элементы лексико-семантического поля «Вода», сгруппированные вокруг персонажа, пришел к выводу об имплицитной метафоре, сопоставляющей Колдунова «с чудовищем, всплывшим из бездны инобытия». (Научный диалог, 2020, 12, с. 168).

Есть рассуждения и о мортальном хронотопе (месте, где совершают самоубийства персонажи писателя) и некропространстве.

Говоря о рассказе "Василий Шишков", Лебедева отмечает, что в финале Василий, "жаждущий покинуть этот мир, полный, с его слов, страдания, крестинизма, мерзости, исчезает — рассказчик предполагает, что он растворился в собственных стихах. Интересны слова Шишкова о суициде — он не рассматривал его как способ: «Мне так отвратительна смертная казнь, что быть собственным палачом я не в силах, да кроме того боюсь последствий, которые и не снились любомудрию Гамлета» [Набоков, 2008а, с. 412]. В отличие от предыдущих текстов, тут нет суицидента, а есть оценка данного шага героем скорее положительным" (с. 170).

В статье АРХЕТИПЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ВЛАДИМИРА НАБОКОВА (НА ПРИМЕРЕ СБОРНИКА РАССКАЗОВ «ВОЗВРАЩЕНИЕ ЧОРБА») А.А. Накарякова выделяет "мифологические сюжеты" в рассказах Набокова.

В рассказе "ВЧ" - это сюжет об Орфее и Эвридике (провод, которого касается жена Чорба, якобы отсылает к змее, той самой, чей укус убил Эвридику). Рассматривается финал мифа и ВЧ. Чорб также взглядывает на тень своей жены, но - «белая женская тень соскочила с постели» [Набоков 1991: 289].

"Тень Эвридики исчезает в ту минуту, когда Орфей оглянулся и увидел ее. И Чорб, новоявленный Орфей (?? - ИП), остается в этом мире один".

В рассказе "Звонок" - это возвращение блудного сына. Ольга Кирилловна даже устраивает праздничный ужин - аналог пира из библейского сюжета. Но ужин этот предназначен, впрочем, не сыну, а любовнику.

Архетип матери, по мнению автора статьи, объединяет рассказы "Звонок" и "Картофельный эльф". Причем в КЭ мать - почти трагический персонаж, несчастное существо, потерявшее сына. Хотя сын был изначально "обречен", считает Накарякова: "Связь с Фредом, которая продиктована желанием Норы отомстить мужу за его вечное отсутствие, духовное и физическое, оказывается почти

инцестуальной, заведомо преступной. Неудивительно, что ребенок, рожденный от этой связи, обречен".

Рассматривается и сюжет договора с чертом из рассказа "Сказка". Даже такая деталь, как яблочный торт здесь не случайна - яблоко является символом искушения.

Продолжает свои размышления Накорякова в статье "Образы-архетипы в творчестве В.Набокова (сборник рассказов "Возвращение Чорба")".

Она отмечает, что в "Звонке" сын, вопреки канону, приехал вовсе не для того, чтобы остаться с матерью - ему хочется на Север, в Норвегию, "а то китов бить", "кататься хочется!"

В основном статья является копией предыдущей статьи. Замечается, кстати, что в рассказе "Сказка" черт, вопреки читательскому ожиданию, не демонстрирует свое вероломство. Госпожа Отт лишь констатирует факт: "У вас это дело не вышло" - и Эрвин отправляется спать домой.

То есть мифологический сюжет все же дан не вполне в традиционном свете.

НАПЦОК Мариетта Радиславовна (кандидат филологических наук, г. Майкоп) в статье РОССИЯ И РУССКОЕ СЛОВО В РАССКАЗАХ В.В.НАБОКОВА пишет о том, что русский колорит встречается уже в самых ранних рассказах Набокова:

.. в «Картофельном Эльфе» (1924) действие происходит в Англии, герои — англичане. Однако и здесь встречаются образы русских — выступающий в цирке «глупый унылый великан, родом из Омска», «стройный девятипудовый сибиряк» и запечатлённая на газетном снимке «русская балерина, склонённая в лебедином томлении». В «Возвращении Чорба» (1925) о Чорбе говорится, что он «нищий эмигрант и литератор», его тесть Келлер изъясняется «точным, несколько гортанным русским языком», а в воспоминаниях Чорба о прогулках с невестой «мелькали стволы берёз, — иное в плотном чехле плюща, — и он рассказывал, что в России не бывает плюща на берёзах». В «Путеводителе по Берлину» (1925) автор, описывая отцепление трамвайного вагона, вспоминает, «как, лет восемнадцать тому назад, в Петербурге, отпрягали лошадей, вели их вокруг пузатой синей конки».

(с. 9).

В рассказе "Пасхальный дождь" старая швейцарка Жозефина Львовна вспоминает "Невский проспект, свои ежедневные поездки с воспитанницей Элен в широком открытом ландо, огромного кучера и рядом с ним выездного с золотыми пуговицами и кокардой, несколько русских слов, которые она знала: «кучер, тишштиш, нитчего». Бывшая гувернантка живёт этими воспоминаниями, пытается воссоздать мир прошлого".

Анализируются также русские мотивы в рассказах "Звонок", "Рождество", "Порт", "Рождественский рассказ".

В диссертации "Отражение авторского замысла в синтаксисе и нарративе малой прозы В. Набокова" Т.В. Пермякова приводит слова Г. Струве, который писал: «Большой талант его вне всякого сомнения. В основе этого поразительно блестящего, чуть что не ослепительного таланта лежит комбинация виртуозного владения словом с болезненно-острым зрительным восприятием и необыкновенно цепкой памятью, в результате чего получается какое-то таинство, почти что жуткое слияние процесса восприятия с процессом запечатления».

И Н. Андреева - «Сирин, на наш взгляд, самый цельный и интересный представитель новой русской прозы. Вот - писатель, который изумительным и обещающим силуэтом поднялся в наши изгнаннические годы, сочетав в себе культурное наследие прошлого с духом молодых поколений, русскую литературную традицию со смелым новаторством, русскую устремленность к психологизму с западной занимательностью сюжета и совершенством формы».

М. Медарич называет романы Набокова «синтетической прозой», имея в виду «соединение фантастики и повседневности, синтезирующие опыт символизма и авангардизма» [Там же : 457]. "Исследователь отмечает «раннее появление» экспериментальных тенденций в творчестве Набокова, которые мы обнаруживаем уже в его рассказах, анализируя особенности нарратива" (Т.Пермякова).

Интересно, что Пермякова прослеживает эффект двоемирия у Набокова "на синтаксическом уровне, а именно на уровне синтаксиса предложения, создается при помощи использования сложных полипредикативных образований с разными видами связи, отражающих основные мотивы главного героя, его внутренний мир в противовес миру реальному, внешнему, синтаксис которого отличается простотой, разговорным характером, отсутствием осложняющих конструкций".

Д.А. Погорелова (Луганский национальный университет им. Тараса Шевченко) в статье "Два плана бытия в ранних рассказах В.В. Набокова" поднимает тему экзистенциального значения бытия человека в мире в рассказе "Ужас". В нем герой, по словам автора статьи, отделяет свое «я» от самого себя и некоторое время созерцает мир, в котором нет его самого, а, следовательно, нет и смысла.

Также замечено, что "два плана бытия и пограничное существование сознания во время перехода из одного мира в другой оформляются в рассказе Набокова «Катастрофа»".

Сказано и то, что прием "ложного развития фабулы" с успехом применяется Набоковым в рассказе «Подлец»: "Антон Петрович, сбежавший с места дуэли, воображает свое спокойное возвращение домой, где его уже поджидают бывшие секунденты и жена – жена угощает его бутербродом с ветчиной (так, чтобы торчало сальце), а товарищи наперебой рассказывают, что это Берг струсил и сбежал. Вернувшись из мира идеальной действительности к реальности гостиничного номера, Антон Петрович заказывает бутерброд с ветчиной и жадно впивается в него".

Рассматривается мистическое содержание рассказа "Рождество" и рассказа "Терра инкогнита". Раздвоение сознания героя в последнем рассказе сравнивается с раздвоением сознания Федора в романе "Дар". Федор - то блуждает вслед за отцом в экзотических странах, то возвращается в мир берлинской комнаты.

Вывод: двуплановость бытия Набокова намечается и выкристаллизовывается как основополагающая концепция его творчества уже в ранней прозе. "Первые рассказы насыщены слишком явственными образами потусторонних существ, и это огрубляет понимание потустороннего; существование иной реальности в ранних рассказах зачастую связано с образами небес и миром снов. В дальнейшем попытки обозначения инобытия становятся все более изысканными" (с. 136).

Погребная Я.В. в статье МИФОЛОГИЧЕСКИЙ ПЕРСОНАЖ И ЕГО ХУДОЖЕСТВЕННО-СМЫСЛОВАЯ ФУНКЦИЯ В РАННИХ РАССКАЗАХ НАБОКОВА выделяет в ранних рассказах Набокова такую сюжетопорождающую ситуацию - «встреча человека и существа из иного мира».

В рассказе "Нежить" к герою приходит леший, в рассказе "Сказка" - чорт. В рассказе "Слово" герой во сне оказывается среди ангелов. В рассказе "Удар крыла" героиня переживает роман с ангелом. В рассказе "Занятой человек" героя опекает ангел-хранитель, преобразовавшийся в соседа.

Потусторонность, считает Погребная, у писателя "растворена в действительности" (как в рассказе "Соглядатай"), "тот" мир одновременно "выступает этим".

А после встречи с существом из иномира, причем, неважно демоническим (скелетом, чертом или лешим) или сакральным (пророком и ангелом), герой человек испытывает преображение, не позволяющее ему оставаться прежним.

Итак, встреча с фантастическим существом имеет необратимые или же трагические последствия для человека, ее пережившего.

В диссертации "Принципы повествования в рассказах В. Набокова" О.Е. Романовская приводит мнение П. Тамми, считающей, что микромодель рассказа отразила наиболее характерные черты повествовательной техники В. Набокова. "Особое место в своих исследованиях она уделяет многообразию типов повествования и их варьированию в пределах одного текста, роли в повествовании автора".

Вот важнейшие положения этой диссертации, выделенные автором -

1. Проблема повествования является отдельной областью набоковедческих исследований, для которых характерно признание усложненности, субъектной неоднозначности набоковского повествования, внимание к проблеме автора, обуславливающее анализ отношений автора и героя, автора и читателя.
2. Полисубъектность повествовательной структуры или «система голосов» (В.Тюпа)
3. Отношения автора и героя сложны, описываются как слияние героя с автором, но в то же время сохранение дистанции между автором и героем.
4. Возможны авторские маски, игра со статусом рассказчика.
5. Вымысел переплетается с фактами биографии Набокова.
6. Повествование преобразует в рамках модернизма и постмодернизма типичные черты русской литературы 19 века.

Отмечено, что в третьем сборнике рассказов Набокова "появляются эксплицитные авторские вмешательства («Круг», «Королек», «Лик»), отступления от основного сюжета («Лик», «Уста к устам»), что разрушает иллюзию достоверности. События изображаются, с одной стороны, как автономно происходящие, с другой - как вымышленные. Соответственно, автор выступает и как

безличный повествователь, и как создатель вымышленного мира, воплощая в повествовании различные свои ипостаси. В отступлениях, описывающих художественные несовершенства написанных героями произведений, автор выступает как литературный критик («Лик», «Адмиралтейская игла»).

И еще: "для рассказов от первого лица актуальны два момента: соотношение рассказчика с биографическим автором и преодоление границ, определенных выбором формы повествования. Образ автобиографического рассказчика является смысловым центром сборника «Возвращение Чорба» («Гроза», «Письмо в Россию», «Благость», «Путеводитель по Берлину», «Ужас»). На первый план выходят мысли, чувства, ощущения рассказчика".

Е.К. Рохлина в диссертации "Композиционные типы предложений и их роль в интерпретации художественного текста: На материале рассказов В.В. Набокова" пишет: "Аспект разветвленности разнообразнее выражен в «Сказке» и «Рождестве», что связано с общей описательной (рефлексивной) направленностью этих рассказов. К тому же, в разных рассказах он выражается с помощью различных средств и выполняет разные функции: либо наращивает синтагматическое напряжение и способствует созданию эмоциональной напряженности, либо, напротив снимает ее. Это зависит от местоположения элементов, создающих разветвленность, относительно смыслового центра предложения".

Выделяется и "аспект напряженности" - который выражается постановкой обособленных членов предложения или вставных конструкций между субъектом и предикатом. Наибольшее количество "напряженных" предложений, по мнению автора диссертации, приходится в рассказах Набокова на кульминацию и развязку ("Звонок", "Встреча").

А.В.Сверчкова в статье "Принцип сдвига в формировании картины остранированной действительности в рассказах В.Набокова" рассматривает аллитерации Набокова, позволяющие сдвигать слова в единый образ:

- валкие вальсы,
- лопоча лапками,
- бронзовым арбузом вздымался дальний купол,
- мрак полон могучей чугунной музыки.

Имя госпожи Отт из "Сказки", по мнению автора статьи, напоминает немецкое "Gott" ("Бог"), что согласуется с решающей ролью героини в рассказе.

В чувственный - осязаемый или визуальный ряд - у Набокова могут переходить самые отвлеченные понятия, утверждает Сверчкова. Здесь музыкой накармливают "до отвала", море имеет плотный сапфировый блеск, солнце горит на полу лужами топленого меда, а жизнь идет по кругу как цирковая лошадь.

Тропы Набокова якобы основываются на свободных переходах между полюсами опредмеченного и оживленного. Отсюда - метафоры, одушевляющие предметы или "овеществляющие" человека. Отсюда - олицетворения и олицетворяющие эпитеты (такие как "сонный трамвай").

Описывается такой "кинематографический" прием как создание иллюзии движения фона, воспринимаемого из движущегося объекта (трамвая, как в "Сказке" или поезда как в "Пассажира").

А.В. Сверчкова в статье "Поэтика случая в рассказах В.Набокова" говорит о том, что рассказы Набокова из первого сборника производят впечатление калейдоскопа случайностей. Ряд персонажей, например, прямо попадают под булгаковскую сентенцию - "Да, человек смертен.. Плохо то, что он иногда внезапно смертен, вот в чем фокус!". Случайно и нелепо умирают (считает автор статьи) Марк Штандфусс, Картофельный Эльф, невеста Чорба.. Иногда случай представляет собой чудо - встречи с пророком ("Гроза"), рождения бабочки из кокона ("Рождество"), обретения гарема ("Сказка").

Случай приоткрывает другое измерение действительности, позволяет взглянуть "за". Поэтому переход в мир иной у Набокова не трагичен и "почти всегда есть благость", выход за рамки привычного существования.

А.В. Сверчкова в диссертации "Своеобразие и эволюция стиля В. Набокова: на материале сборников "Возвращение Чорба", "Соглядатай", "Весна в Фиальте"" отмечает, что в статьях А. Мулярчика, Г. Барабтарло, Н. Артеменко-Толстой, М. Востриковой, И. Толстого, П. Мейер, Л. Токер, С. Маттерсона в качестве основных и наиболее характерных тем «русского» периода творчества писателя выделяются, например, темы эмиграции, России, Германии 1920-х годов, а также памяти, любви, творчества. "При этом осмысление этих тем чаще всего осуществляется в историко-биографическом

плане, в результате чего темы творчества Набокова отождествляются с «темами» его жизни (Г. Барабтарло), т. е. с реальными фактами и событиями биографии писателя".

Сверчкова предлагает критический обзор предыдущих исследований мира рассказов Набокова. И замечает, что чертами поэтики сборников "ВЧ" и "Соглядатай" ученые называют многомерную (а точнее - «биспациальную», двухпространственную) природу их художественного мира, организованного по принципу «семантических качелей» (Ю. Глобова), «антифононый» принцип композиции, когда «рифмуются» контрастные образы, детали, ситуации, случайность как организующую силу событий в сюжете (Л. Колосова).

А рассказы «Весны в Фиальте» отличает, по мнению исследователей, развернутый интертекстуальный фон, акцентирование «сделанности» ряда произведений (И. Карпович).

СМИРНОВА Н.В. (Россия, Москва) в статье ТРАНСИДЕНТИФИКАЦИЯ В РАССКАЗАХ В.В. НАБОКОВА говорит, что сам В.В. Набоков отмечал в предисловии к английскому переводу рассказа, что «у читателя, знакомого с романом, рассказ создаст упоительное ощущение непрямого узнавания, смещенных теней, обогащенных новым смыслом – благодаря тому, что мир увиден не глазами Федора [центрального персонажа романа «Дар» – Н.С.], а взглядом постороннего человека».

Система действующих лиц "Круга" не противоречит персонажной модели "Дара", считает автор статьи.

Исследуется история имени "Василий Иванович" в рассказах ООБ и "Набор". Любопытно, что в обоих рассказах появляются представители автора (или "мои представители").

П. А. Суслов (Иваново) в статье "Art nouveau, модернистский театр и синие апельсины: о возможных источниках цветопоэтики В. Набокова" сначала пишет о том, что Набоков не любил театр «с оговорками»: «Театр всегда значил для Набокова меньше, чем литература или живопись, однако и он питал его воображение. Петербургские театры по-прежнему блистали, и Владимир Дмитриевич оставался завзятым театралом. Его сын, относясь с пренебрежением к очень многим спектаклям, тем не менее откликался на подлинные проблески театральной фантазии».

Затем - о том, что проза Набокова предельно театральна. Декорации, например, возводятся в "Корольке" и разрушаются в ПнК. Театральность проявляется в нарочитой искусственности, поставленности происходящего в прозе Набокова, считает автор статьи.

Затем следуют размышления о символике цвета (оранжевого - как цвета балагана). Замечено, что во многих, приводимых Сендеровичем и Шварц цитатах из Набокова, синева нередко сопровождает появление апельсина.

П.А. Суслов в диссертации "Цветопоэтика рассказов В.В. Набокова: семантика, функциональная значимость, роль в структуре текста" выносит на защиту такие положения (приведем вкратце некоторые из них):

- Одной из характерных черт использования цвета Набоковым является своего рода неестественность, ненатуральность цветообозначений. Цвета и цвето-сочетания, которые использует автор, могут представляться экзотическими, нарочитыми, привычные объекты окрашиваются Набоковым в несвойственные им краски. Такая «ненатуральность» является одной из наиболее оригинальных особенностей художественной индивидуальности этого писателя.

- Живописная манера Набокова имеет некоторые общие черты с живописью и театром русского модерна.

- Цвет зачастую является в произведениях Набокова мотивом.

- Цвет для Набокова может быть не просто средством усиления эстетической выразительности, по и своеобразным средством интерпретации, толкования тех или иных явлений или событий.

Приводятся (в начале диссертации) отклики на работы ученых о рассказах Набокова. Так, упоминается Монография М. Номанп «Синие вечера в Берлине: Рассказы Набокова 1920-х гг.», которая "интересна своей попыткой классификации рассказов сборника «Возвращение Чорба» и некоторых рассказов, в сборники не вошедших. Автор выделяет три группы набоковских рассказов - реалистические, соединяющие в себе реализм и символизм, и, наконец, символистские. Данная классификация не выдерживает никакой серьезной критики".

Речь идет и о книге Шраера "Набоков: Темы и вариации". Замечено, что наряду со многими учеными М. Д. Шраер говорит о необходимости рассматривать рассказы писателя как часть большого метатекстуального целого: «Изучение связей между рассказами Набокова и всеми остальными формами его прозы - предмет отдельного большого исследования».

Рассказы Набокова Шраер называет "текстами" и заявляет: «Тексты Набокова сопротивляются всем формам теоретического насилия. <...> Даже самые мощные теории культуры, как правило, отступают после нескольких попыток взять тексты Набокова приступом. <...> Читать Набокова с той или иной литературной теорией в руках - значит лишать себя значительной доли наслаждения <...>. Тексты Набокова сами подсказывают читателю теории своего восприятия».

Форсикова Ю.Т. (Ставропольский государственный педагогический институт, г. Ставрополь) в статье "Семантический объем образа трамвая в цикле рассказов В.В. Набокова «Возвращение Чорба»" заявляет, что трамвай "упоминается в восьми из пятнадцати рассказах цикла «Возвращение Чорба». Герои рассказов встречаются и расстаются в трамвае и на трамвайных остановках, едут в трамвае к своим возлюбленным, смотрят из окон трамвая на окружающий мир, или изучают своих попутчиков, слушают как ударяются каштаны о крышу трамвайного вагона, вскакивают на ходу на трамвайную подножку или выскакивают из едущего трамвая («Катастрофа», «Благодать», «Письмо в Россию», «Путеводитель по Берлину», «Сказка», «Звонок», «Гроза», «Подлец»)".

Каково значение мотива трамвая у Набокова?

1. Средство сообщения между временами - например, между прошлым и настоящим (например, в "Путеводителе по Белину").
2. Средство движения в мир воспоминаний или мечты (в "Сказке").
3. Проводник между "реальным" и запредельным мирами (в "Катастрофе").
4. Оракул, которому герой доверяет свою судьбу ("Подлец").

Кондуктор является чудесным помощником героя, одаривающим его билетом.

И еще: "трамвай (механизм) действует в городе (черере неподвижных зданий и тротуаров) как нечто живое среди живого. Живой организм-трамвай соседствует с настоящими (Зоологический сад) и метафорическими животными (простуженными автомобилями, подмигивающими львами), движутся вдоль храпящих домов, на него глядит асфальт «живыми глазами». А поведение трамвайных вагонов мало чем отличается от поведения живых лошадей, и среди вагонов можно даже отчетливо различить «самца» и «самку». И трамвай может указывать на присутствие потустороннего мира, "является проводником в этот мир, либо существует как одно из его «представительств»".

В статье ВАРИАЦИИ МОТИВА ВСТРЕЧИ В СБОРНИКЕ РАССКАЗОВ В.В. НАБОКОВА «ВОЗВРАЩЕНИЕ ЧОРБА» Цынарев Никита Александрович (магистрант, Тверской государственный университет, Тверь) и Цынарева Наталья Александровна предлагают классификацию "встреч" в рассказах Набокова.

По продолжительности встречи бывают либо кратковременными, либо жизненными. Кратковременная встреча не предполагает дальнейшего развития сюжетной линии. Но она не проходит бесследно, при ней оживают в памяти героя важные воспоминания. Так, "в рассказе «Порт» главный герой Никитин в кафе встречает женщину, которую по ошибке принимает за старую знакомую, вовсе ею не являющуюся. Очевидно, что встреча была «проходящей» и они не увидятся снова, но «знакомая» незнакомка невольно обращает героя к былым воспоминаниям о Родине" (с. 2). Кратковременны встречи с пассажиром из одноименного рассказа и матерью в "Звонке" (но после встречи герой будет долго ее вспоминать и "переосмысливать").

Жизненные встречи авторы статьи находят в рассказе "Бахман", "Картофельном эльфе" (встреча Фреда Добсона с госпожой Шок, которая становится "роковой") и судьбоносная встреча в рассказе "Подлец" (знакомство героя с Бергом).

Выделяются встречи однократные и повторные. Повторная, например, есть в КЭ, где Нора приезжает к Фреду и рассказывает о сыне. В "Сказке", как и в КЭ, повторная встреча происходит ближе к финалу рассказа (хотя есть и встреча-предупреждение в середине его).

Выделяются встречи прошлого и настоящего, ожидаемые встречи и неожиданные встречи. А также встречи-обретения и встречи-утраты. Встреча-обретение есть в рассказе "Рождество", считают авторы. В "Звонке" герой теряет надежды и ожидания после встречи с матерью. В "Подлеце" после встречи с Бергом герой теряет семью, окружение и статус в обществе.

В КЭ Фред встречает с Норой, но позже переживает утрату надежд и иллюзий, связанных с этой встречей. Во время второй встречи он узнает о сыне. Эта новость "изначально воспринимается Фредом невероятным чудом". Как амбивалентная утрата-обретение рассматривается встреча героя рассказа "Катастрофа" во сне со своей возлюбленной Кларой.

В статье "Мотивная структура сборника рассказов В.В. Набокова «Возвращение Чорба»" Цынарев Никита Александрович и Цынарева Наталья Александровна замечают, что в рассказах "Сказка" и "Катастрофа" перемещение героя из пункта А в пункт Б, обрамляющее мотив пути, сопрягается с темой утраты. Эрвин следует за тринадцатой девушкой, которая оказывается первой (разочарование, однако). "Погоня за счастьем" оборачивается неудачей. Марк встречается в своей возлюбленной во сне, и там же теряет ее.

Так же разочарованием и непониманием сопровождается путь героя в рассказе "Звонок". Он стремится оказаться рядом с матерью, найти успокоение, но мать оказывается для него "чужой" (считают авторы статьи).

Вот еще одно любопытное наблюдение, касающееся доминантного у Набокова принципа - мотива памяти - "Жизнь воспринимается героями В.В. Набокова сквозь призму памяти, они не строят планов на будущее, не ставят созидательных целей и не делают долгосрочных проектов. Их жизненный путь – «движение по течению», дорога в никуда, путь без будущего".

Проанализированы типы встреч героев в рассказах Набокова. В частности, встреча с проституткой в рассказе "Возвращение Чорба" - "В рассказе «Возвращение Чорба» встреча главного героя с уличной женщиной, на первый взгляд, оказывается совершенно бессмысленной, но это не так. «Искус», которого так боялся и ждал герой, с одной стороны, можно расценить как испытание прошлого: осознание утраты любимого человека и ощущение тяжелой душевной боли. А с другой стороны, это очищение к будущему".

Г.В. Черевко в статье "Функция экспрессивных жестов в рассказах В.Набокова" рассматривает жесты героев в рассказах "Венецианка" и "Удар крыла". В последнем встречается "напряженно-эмоциональный жест", связанный с недосказанностью, раздражением и "гневом".

В статье «ПЕРЕСЕЧЕНИЕ ДИСКУРСОВ» КАК ПРИЕМ СЛОВЕСНОГО ИЗОБРАЖЕНИЯ В РАССКАЗАХ ВЛАДИМИРА НАБОКОВА Шестакова Ирина Александровна (учитель русского языка и литературы, Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение «Лицей № 9», РФ, г. Белгород) сравнивает рассказы Набокова с произведениями художников-импрессионистов. Для них характерно:

1. Отказ от контура, нечеткость, расплывчатость границ изображений. Такая аморфность есть в "Рождестве": "комната плавала во тьме", "громкая тень Слепцова, медленно вытягивая руку, проплывала по стене, по серым квадратам занавешенных картин", "белые веера проплывали над самой шапкой" (о снеге, оставляемом за санями)".

2. Создание внутренней перспективы с более светлыми цветами на дальнем плане. Набоков использует для этого перечисления, с помощью которого получается эффект многослойного изображения. Например, "Над черными трубами оранжевой кудрявой горой стояло заревое облако, за ним второе, третье".

3. Многослойность и "внутреннее свечение". Например, "и на беленую лавку легли райскими ромбами отраженья цветных стекол; В темно-синем стекле загорелось желтое пламя; На синем стекле окна теснились узоры мороза".

3. Об отдельных рассказах Набокова.

Terra incognita

Мотив тумана в рассказе "Terra incognita" связан с чувством смертельной опасности. Сквозь туман могут проступать контуры "потустороннего мира".

1. "Мне померещился .. зеркальный шкаф с туманными отражениями".

2. "Какие-то блистающие птицы летали в болотном тумане".

3. "Болезненный туман чувств".

4. "И все-таки превозмог этот нетерпеливый туман смерти и огляделся".

5. "Туманнее сверкали камыши, бледнее пылало небо".

Е.Г. Белоусова замечает в "Защите Лужина" наличие существительных с семантикой неопределенности, зыбкости - "мираж", "призраки" (они появляются после партии с Турати, когда с Лужиным случается "помутнение рассудка"), "нагромождение", "кавардак" и особенно - "муть" и "туман". Приводится фрагмент из ЗЛ, в котором безобразный туман ждет очертаний, воплощений.

Любопытно, что созвучной теме теней в "Даре" посвящена статья А.Филимонова "Тема "теней" в романе В. Набокова "Дар"". Человекоподобные тени в "Даре", по мнению А.Филимонова, - вестники

иного мира. И эта тема связана с образом Зины. Этот "пульсирующий туман голосов", как и Зина, будто бы является источником вдохновения для Федора. Ведь Зина - тоже изгнанник из России теней, России оставленных образов.

В статье АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ФАНТАСТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА В РАССКАЗЕ В.В. НАБОКОВА «TERRA INCOGNITA» Доронина М.Н. (ТГУ, студент) пишет, что в рассказе "Terra incognita (Неизвестная земля)" Набоков представляет нашему вниманию 2 пространства: реальное и вымышленное. Причем реальным оказывается комната больного в Европе, а вымышленным миром - мир тропических джунглей (хотя герой на протяжении всего рассказа утверждает обратное).

Как доказательство автор статьи приводит лексику фантастического мира в "Терре". Она тоже полна выдуманных слов -

..рассказ насыщен причудливыми названиями ями: «Зонраки», «вонго», «Гурано»; «ипекакуана» – название «..корня». Выдуманные Набоковым растения: «valeria mirifica» – расшифровывается дословно как «Вальер, делающий чудеса»; лимия – от латинского «limus» (смотреть сбоку), что отсылает к параллельным «реальностям» в сознании героя; «куст акреаны» – вымышленное название, сочетающее «асге» (фр. «горький») и «сгеет» (фр. «творить»). Все это определяет джунгли как ирреальное, выдуманное пространство, порожденное воображением Вальера.

Это его «идеальный мир».

(с. 262).

Кто такие Кук и Грегсон? Тоже иллюзорные персонажи, олицетворения страхов и забот нашего героя. "Грегсон олицетворяет его стремление к открытию неизведанного, Кук же воплощает страх перед выходом за привычные рамки, перед новым знанием".

Грань между фантастикой и действительностью намеренно стирается автором рассказа. Но мир действительности постоянно прорывается сквозь вымышленный - на плече Кука возникает, например, граненый стакан с ложкой. Появляются и подушка, с которой приподнимается герой, и одеяло, по которому он шарит рукой.

Ulthima Thule

В чем завязка сюжета рассказа, поясняет Борис Аверин в книге "Дар Мнемозины" так:

Повествование в УТ ведется от лица художника Синеусова, потерявшего горячо любимую жену. Пытаясь избавиться от боли утраты, его сознание движется по давно проторенным путям.. Герою не хватает ясной уверенности в том, что Бог и бессмертие души существуют. Ему не хватает каких-то последних, бесспорных доказательств. Говоря словами Шестова, ему не хватает аргументов "разума". Герой надеется, что Фальтер ответит на жизненно важные для него вопросы о существовании Бога и посмертного бытия.

(Б.Аверин, 2016, 68).

Автор книги сравнивает позицию Фальтера (ответившего на вопрос Синеусова "Существует ли Бог?" - "Холодно", - то есть "не там ищите") с суждениями философа Шестова. Последний считал, что вопросы о бытии Бога и существовании души ставить "безсмысленно". "Мне представляется, что достаточно спросить человека: есть ли Бог? - для того, чтобы совершенно лишить его возможности дать какой-либо ответ на вопрос". Есть истины, которые нельзя показывать, уверен Шестов.

Герой Набокова, считает Аверин, сам страстно заинтересован в том, чтобы Бог существовал, существовала душа и бессмертие. Он обращается к Фальтеру со словами-просьбой подтвердить существование "бытия" за гробом. "Перескочите предисловие", - рекомендует Фальтер. Для этого, с позволения сказать, мудреца христианские представления о вечности - всего лишь предисловие к книге, которую предстоит прочитать герою. Спорное мнение, мягко говоря. Но вернемся к рассуждениям Аверина. Автор книги "Дар Мнемозины" утверждает, что особые надежды Фальтер возлагает на детское сознание. Именно дети мгновенно отзываются всем существом на все подлинное, а такой отзыв - и есть критерий истины, по Фальтеру. Фальтера не устраивает взрослое сознание, полагает Аверин. Персонаж Набокова знает, что "логические рассуждения очень удобны при небольших расстояниях" и неприемлемы при расстояниях огромных.

Само же происшествие с Фальтером (ему якобы открылась истина) напоминает, по Аверину, откровение Ницше по Шестову, который считал, что философу точно молния сверкнула идея, поначалу чуждая ему самому и "всему строю нашего мышления".

Беседа же Фальтера с Синеусовым напоминает Аверину диалог двух личностей, одна из которых (Фальтер) стоит на позиции Шестова, а другая представляет ту философскую традицию, с которой Шестов полемизирует.

Вот Синеусов задает вопрос - "Существует ли Бог?" Сама постановка вопроса уводит от предмета исканий, считает Аверин. Действительно, в набоковском дискурсе нет места прямым вопросам и ответам на них. Вспомним хотя бы момент, когда Зина Мерц спрашивает в "Даре" у героя, является ли объяснением в любви то, что он говорит ей. Герой уклончиво отвечает, что это -

- И есть некоторого рода объяснение в любви.

- Мне мало "некоторого рода", - заявляет Зина.

Главные жизненные вопросы, по Набокову, требуют иного разговора о них. "Так встает проблема языка", - пишет Б.Аверин. Глава, в которой содержится это наблюдение, так и называется "Поэтика "непрямого высказывания"".

В заключении Аверин высказывает довольно спорную мысль о том, что Набоков был противником "общего богословия" и имел особый тип религиозности - личный. То есть субъективный. В нем якобы и кроется "чудесный смысл бытия", "настоящий смысл сущего", как писал Набоков.

"В "Ulthima Thule", - пишет В.Курицын, - есть персонаж Фальтер, в котором разорвалась "бомба истины", которого поразила "сверхжизненная молния", в результате чего ему открылась сущность вещей. Автор, герой и рассказчик.. долго топчутся вокруг этой сущности вещей, но секрет оказывается все тем же, уже давно известным читателям Сирина - начиная с его ранних стихов: загробный мир существует, и связь с ним возможна. Только если в "Наташе" это доказывал обычный призрак.., то в случае Фальтера это выяснилось, лишь когда один исследователь обратил внимание, что Фальтеру известно о любимых умершей женой рассказчика (художника Синеусова) иностранных деньгах и полевых цветах, а узнать он о них мог, только "подключившись" к миру духов" (НБЛ, 2013, 69-70).

Об идее загробной жизни пишет Курицын и несколькими страницами позже. По его мнению, Набоков в восторге от этой идеи и объявляет это тайное знание "высшим, невероятного значения знанием".

В "Ulthima Thule" встречается звукопись по примеру тавтограммы - например, "оставим эти виноватые виньетки".

Или упомянут призрак - пошляк, который пользуется "моим голым горем" (кажется, в "ИТ" были фразы с начальным "фор-фор"). Упоминается (в другом фрагменте рассказа) каламбур вроде "ветчины и вечности". Чуть позже - "создал силой своей ваятельской воли".

Или вот такое описание: "Мне удалось понять только, что его герой - какой-то северный король, несчастный и нелюдимый; что в его государстве, в тумане моря, на грустном и далеком острове, развиваются какие-то политические интриги, убийства, мятежи". Напоминает "Трагедию господина Морна", не правда ли ? (впрочем в ТГМ король был веселый).

Любопытно проследить, как воплощается в УТ фигура шахматного конька. Вот что пишу об этом в работе "Онтологические сюжеты романа В.Набокова "Защита Лужина"":

На фигуру шахматного коня указывает горб героя - не только в "Возвращении Чорба" , но и в "Bend Sinister", "Ulthima Thule" и во фрагментах стихотворений: " ..чернеет ферзь между коней горбатых" ("Три шахматных сонета").

Е.В. Антошина в статье ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЕ АСПЕКТЫ СЮЖЕТА РАССКАЗА В.В. НАБОКОВА «ULTIMA THULE» (Вестник Томского государственного университета. 2013. № 374. С. 7–15) говорит об "единой реальности" в рассказе «ULTIMA THULE». Феномен "EP", по ее мнению, включает в себя как явления дневного мира, мира живой природы, так и явления мира "потусторонности" (о которой так долго размышлял в книге "Набоков и потусторонность") Александров.

Персонажу рассказа «ULTIMA THULE» Фальтеру открывается некая лазейка в потусторонний мир. Фальтер равнодушен к миру знакомой нам "дневной" действительности. Таким образом, сюжет рассказа «ULTIMA THULE» интерпретируются как вариант сюжета о медиуме, получившем потустороннее откровение.

В связи с сюжетом рассказа Антошина рассматривает мотив двойничества у Набокова и выясняет, что нередко в его произведениях одна личность имеет над другой гипнотическую власть. Приведем абзац из работы Антошиной:

В романе «Отчаяние» (1930) герой подчиняет себе незнакомого человека и, подобно гипнотизеру, делает его безвольным соучастником своего преступления. Однако он не замечает, что находится под влиянием самовнушения, так как в итоге двойник оказывается ложным. В романе «Король, дама, валет» Марта пытается обрести власть над своим молодым любовником с целью превратить его в орудие убийства мужа. После внезапной смерти Марты Франц чувствует освобождение от тяготившего его влияния. Этот роман является первым произведением В.В. Набокова, в котором появляется сюжет о преступлении, совершенном в состоянии гипноза. Сюжет варьируется в романе «Камера обскура» (1931), где Магда очаровывает Кречмара, превращая его в слепого, лишённого воли человека. Мотив совращения в состоянии гипноза присутствует в романе «Лолита» (1954), когда Гумберт предлагает Лолите снотворное. В позднем романе «Прозрачные вещи» (1972) герой совершает убийство в состоянии сомнамбулического сна.

Рассказ Набокова, кроме того, рассматривается в контексте христианского богословия. По мнению православных богословов, являются живущим только умершие святые, - с определенной духовной целью. Все остальные явления принадлежат якобы только падшим духам, которые обольщают души живущих. Так, о. Серафим (Роуз) замечает, что падшие духи даже способны создавать иллюзорные картины рая, которыми они соблазняют души умерших.

Этот контекст является для автора статьи предпочтительным при анализе рассказа. "Синеусов, отказавшись от услуг гадалок, хиромантов и спиритов, обратился к Фальтеру, чтобы получить утвердительный ответ на вопрос о возможности посмертного существования. Героя также интересует возможность общения с умершей, ему хотелось бы разрешить вопрос об истинности своих ощущений, когда он чувствует присутствие жены".

Рассматривается в связи с анализируемым рассказом новелла Набокова "Сестры Вейн" и ее героиня Синтия Вейн со своими представлениями об ином мире: «Ничего фундаментально нового не было в ее частном веровании, поскольку оно допускало достаточно тривиальную загробную жизнь, бессловесный солярий бессмертных душ (крепко спянных со смертными абитуриентами), чей основной досуг состоял в периодических посещениях здравствующих ближних».

Продолжается рассмотрение образов и сюжетов рассказа «ULTIMA THULE» в статье А.С. Артамоновой ИНТУИЦИЯ БЕЗСМЕРТИЯ В РАССКАЗЕ В. НАБОКОВА «ULTIMA THULE» (Вестник Томского государственного университета. 2018. № 435. С. 5–11.).

Рассказ «ULTIMA THULE» прочитывается в контексте метафизики Бергсона. Однако Набоков преодолевает ее влияние как оригинальный писатель и "создает свою философию жизни". По мнению автора статьи, набоковский герой разделяет суждение Бергсона о том, что с помощью только понятийного мышления познать тайну мира невозможно. Следует обратиться к человеческой интуиции.

Синеусов приходит к Фальтеру с готовыми понятиями, представлениями о сути иного мира. Все эти представления довольно традиционны. В то время как Фальтеру якобы открылась невиданная доселе, новая истина.

Он (Фальтер) и описывается как «человек, как бы потерявший все: уважение к жизни, всякий интерес к деньгам и делам, общепринятые или освященные традицией чувства, житейские навыки, манеры, решительно все» [4. С. 122].

При встрече с Синеусовым не зря Фальтер, узрев фотографию его жены, спрашивает, где же она сама. На что получает ответ: «– Вы же отлично знаете, что она умерла. – Ах да, – заметил Фальтер с нечеловеческой беспечностью и, обратившись ко мне, добавил: – Что же, Царствие ей Небесное, – так, кажется, полагается в обществе говорить?»

По мнению автора статьи, и Набоков, и Бергсон понимают жизнь не как виртуальную, вторичную систему по отношению к некоей раз и навсегда в древности установленной "потусторонности", но как самую суть мира, ее первооснову. Как говорил Хайдеггер, "выясняется, что ничто есть нечто сущее, а отнюдь не ничто". Здесь мы снова приходим (замыкая круг) к идее Бога, о котором Синеусов спрашивает в первую очередь.

Человек призван быть творцом, то есть существом, подобным Создателю. Не зря Синеусов - художник. В тексте появляется и неведомый иностранец, заказавший Синеусову серию картин к поэме и не явившийся за ними. Синеусов "возвращается к ней вновь, чтобы преодолеть свое горе". Вывод: рассказчик сравнивает процесс творения с достижением той неведомой области, где находится теперь его умершая жена, тем самым утверждая истину – искусство приближает к постижению бытия.

Адмиралтейская игла.

Часть воспоминаний из книги "Другие берега" обрела свой сюжет и форму рассказа в случае с "Адмиралтейской иглой". Вот как об этом пишет А.С.Мулярчик: "Вариантом - и, пожалуй, не менее поэтичным - двух главок из книги "Другие берега", рассказывающих о Тамаре, стала новелла "АИ".. Хотя рассказчик в "АИ" уверял, что "мы с Катей были слишком поглощены друг другом, чтобы засматриваться на революцию", логика их отношений соответствовала развитию событий на протяжении 1917 года. Свидания на катке Юсуповского сада, чтение стихов и имитация цыганских романсов под гитару, а с наступлением лета - переезд в усадьбу и быстролетные незабываемые месяцы.. И каким же контрастом к этому парадизу выглядит последующая петербургская осень" (Следую за Набоковым, 1991, 20).

Добавим, что в похожем ключе решен любовный летний сюжет в русской усадьбе в романе Набокова "Машенька" (смотри исследование "Родина и чужбина..").

Фраза "Увидев почерк мой, вы, верно, удивитесь" - автобиографическая. Она встречается в воспоминаниях "Другие берега". Там Набоков говорит о том, как один безнадежный неуч проиграл ему спор (и великолепный кастет), побившись о заклад, что письмо Татьяны начинается так "Увидев почерк мой, вы, верно, удивитесь".

В "АИ", считает В.Курицын (автор книги "Набоков без Лолиты"), раскрыты некие прогулки самого Набокова. О них, наверное, можно найти упоминание в книге "Другие берега". Несомненно, что это автобиографическая деталь. Так же как маршруты "маленького прогульщика Лузина" и "серебристые блуждания" с Машенькой - героиней одноименного романа.

Чем еще похожа АИ на "Машеньку"? И там, и там возникает тема настоящего как будущего воспоминания. В "Машеньке" герои в разгар отношений начинают думать о них в прошедшем времени. В АИ Курицын находит такой фрагмент:

- Нам с Катей тоже хотелось вспоминать, но так как вспоминать было нечего, мы подделывали даль и свое счастливое настоящее отодвигали туда. Мы превращали все виденное в памятники, посвященные нашему - еще не бывшему - былому..

(цит. по: Курицын, НБЛ, 2013, с. 266)

АИ, по мнению Курицына, - часть целого класса набоковских произведений, запущенных в недоступного адресата. Потому что это письмо автору романа, относительно личности которого автор, скорее всего, пребывает в заблуждении. "Благодать" - "письмо растаявшей в небе над Берлином возлюбленной". "Письмо в Россию" - адресат ее "лишен индекса". "Ульгима Туле" - письмо "мертвой жене".

Мсье Пьер в АИ освежает голову героя (он цирюльник). Мсье Пьер в романе "ПнК" также охоч до головы героя, но с другой целью - он палач.

Если в романе "Дар" встречается грузовик с веселыми демонстрантами, возвращающимися после какой-то "гражданской оргии", то в АИ есть грузовик, набитый "революционными весельчаками".

Герой АИ вспоминает о катании на велосипедах по излучистым тропинкам парка. Похожую роль играет велосипед в "Машеньке". В русских стихах Набокова также найдем упоминание о катании на велосипеде:

О, первого велосипеда
великолепье, вышина;
на раме "Дукс" или "Победа",
надутой шины тишина.
Дрожанье светлое в аллее,
где блики по рукам скользят,
где насыпи кротов чернеют
и низвержением грозят.

А завтра пролетаешь через,
и как во сне поддержки нет,
и этой полноте доверься,
не падает велосипед.

И вновь поля, и голубеет
над ними чистый небосвод.
Я мчусь, и солнце спину греет,
и вот нежданно поворот.
Колеса косо пробегают,
не попадая в колею..

Лисова О.О. (студентка 2 курса магистратуры СПбГУ, г. Санкт-Петербург) в статье СТИХОТВОРЕНИЕ А.АПУХТИНА «ОТВЕТ НА ПИСЬМО» В СТРУКТУРЕ РАССКАЗА В. НАБОКОВА «АДМИРАЛТЕЙСКАЯ ИГЛА» отмечает, что в примечаниях к рассказу «Адмиралтейская игла» Ю. Левинг говорит, что «структура «Адмиралтейской Иглы» вторит апухтинской конструкции: оба стихотворения А.Апухтина начинаются с официального обращения на «Вы», а завершаются в конце интимным "ты"» [2, с.818] . "Попытаемся определить, что сближает набоковский рассказ с «посланиями» А. Апухтина. Во-первых, в произведении Набокова рассказчик пишет письмо (он сам называет свое творение «письмом») в ответ на роман «коллеги Солнцева» — то есть создаёт своё высказывание в ответ на другое высказывание, комментирует его. У Апухтина та же самая ситуация: «письмо» и «ответ на письмо». Во-вторых, в «Ответе на письмо» лирический герой укоряет адресата (даму — автора письма из стихотворения «Письмо») в том, что она распространила свое письмо «в свете», в том, что возлюбленная сделала личную жизнь всеобщей в своем стихотворении. В рассказе «Адмиралтейская Игла» мы видим схожую ситуацию".

Бахман.

В статье СУДЬБА ОДАРЕННОЙ ЛИЧНОСТИ В РАССКАЗЕ В. В. НАБОКОВА «БАХМАН» О. И. АФАНАСЬЕВ (Северо-Осетинский государственный университет им. К. Л. Хетагурова, г. Владикавказ) рассматривает феномен гениальности применительно к герою рассказа - композитору и музыканту Бахману (чье имя созвучно с именем композитора Баха).

Автор статьи полагает, что гениальность в изображении В. В. Набокова – это своеобразный дисбаланс в структуре личности, приводящий к ее дисгармонии, это дар, подавляющий личностное развитие человека, отрывающий его от жизни и превращающий в своего раба.

Герой рассказа "Бахман" сравнивается с героем романа "Защита Лужина" - гениальным шахматистом, который во всем, кроме шахмат, «остается тем же нелюдимым, нелепым двенадцатилетним подростком, каким когда-то перешел через границу между двумя реальностями» [2: 34]. "Бахман фактически существует в «сверхидеальности» музыки. Он так же, как и Лужин, игнорирует «внешнюю жизнь <...> как нечто неизбежное, но совершенно не занимательное»".

Неприспособленностью Бахмана к повседневной жизни, невстроенностью его в ее "реальность" пользуется расчетливый антерпренер. В романе "Защита Лужина" подобную роль играет "опекун" героя - Валентинов.

Автор статьи анализирует воплощение в рассказе 2 тем -

1. Искусства.
2. Любви.

Для раскрытия первой приводятся сведения о биографии композитора Баха. Для раскрытия второй - сюжет взаимоотношений Бахмана и Перовой - героини рассказа, для которой Бахман исполняет музыкальные произведения. "Бахман играл не для публики, он играл для любимой женщины; пробуждение любовного чувства породило гениальную игру маэстро".

Афанасьев отмечает, что история музыканта Бахмана поражает своим драматизмом и реалистической достоверностью. По свидетельству Ю. Левинга, «своим искусным изложением Набоков ввел в заблуждение одного из читателей: в 1928 г. им было получено письмо от некоего д-ра Бернарда Хиршберга, принявшего существование музыканта Бахмана за чистую монету, а рассказ о нем за мемуарный очерк».

О. О. Лисова в статье "Вл. Набоков. «Бахман»: к вопросу о субъектной структуре рассказа" утверждает, что "художественно-смысловой акцент в рассказе «Бахман» делается прежде всего на субъектной динамике, динамике развёртывания разных точек зрения, что характерно, с точки зрения Н. Д. Тмарченко, для неклассической эпикки в целом, важным становится не только «событие, о котором рассказывается» (история Бахмана), но «событие самого рассказывания» (М. М. Бахтин)".

Исследуются образы Бахмана и Зака. Для Зака его подопечный предстает вещью, которую нужно настроить, подготовить у выступлению. Вывод: Зак «овнешняет» Бахмана, для него Бахман — лишь коммерческий проект.

Позиция автора отлична от позиции Зака. Именно автор отмечает, с какой восторженной улыбкой Бахман смотрит на Петрову (Зак этого не видит).

Благость.

О парадоксальном ощущении счастья у Набокова пишет А.С.Мулярчик - применительно к рассказу "Благость". Сюжет рассказа прост как компьютер АйБиЭМ (шучу!)

Рассказчик поджидает у Брандербургских ворот свою возлюбленную, которая почему-то опаздывает (может быть, из-за кокетства?). Погода портится, настроение героя - тоже, наползает облако. И тут на глазах героя происходит жест человеческого участия - "Солдат-охранник.. предлагает продрогшей старушке кружку горячего кофе, а та в ответ одаряет его парой открыток". "Ничего особенного не произошло, но цепная реакция пришла в движение, и тогда.."

Тогда герой заявляет, что почувствовал нежность мира, благость всего, что его окружает. Мир, оказывается, "вовсе не борьба", не череда хищных случайностей, но подарок, не оцененный нами.

Как тут не вспомнить роман "Дар" и подарок от Создателя герою в объеме 10 000 дней жизни.

Мулярчик, кстати, замечает, что ощущение счастье не покидает набоковских героев и в роковые для них минуты - например, в рассказе "Катастрофа" (Марк оказывается под колесами омнибуса) или "Картофельный эльф" (карлик переживает сердечный припадок). О том же говорил, к слову, В.Курицын в книге "Набоков без Лолиты" - нередко герои Набокова "умирают счастливыми".

В "Благости" представлен частный случай использования набоковскими курильщиками окурков и спичек для рассовывания их в самых неожиданных местах, считает В.Курицын (НБЛ, 2013, 25). Соперник рассказчика "Благости" оставит окурочек на спичечном коробке.

Окурочек Лужина обнаруживается в пасти медвежьей шкуры. В "КДВ" окурочек - на голове механического манекена. Писатель в "Пассажирах" бросает спичку в пустую рюмку знакомого. Директор тюрьмы в ПНК топит остатки папиросы в остатках соуса. И это далеко не все случаи.

Также Курицын замечает в финале "Благости" каштаны, колотящие по крыше трамвая. Так барабанят дождевые капли по тугому зонтику в "Камере обскуре".

В "Благости" есть частный случай такого действия набоковского героя как вход в картину. Курицын напоминает нам, что в ПНК Цинциннат хочет залезть в витрину, где намалеван на заднике вид на Тамарины сады. В картину залезает персонаж "Венецианки". "В "Подвиге" картина с лесной тропинкой висит над кроватью маленького мальчика". В "Посещении музея" герой углубляется в экспозицию, и оказывается далеко от исходного места расположения.

Кроме того, Курицын отмечает, что Брандербургские ворота из "Благости" (где солдат угощает старушку кофе) появятся и в "Даре", и в "Подвиге" (см. страницу 431, НБЛ).

В рассказе "Благость" герой всю ночь сидит в плетеном кресле, среди мусора, гипсовых осколков и высохшего пластилина - и думает о своей возлюбленной.

Бессонную ночь проводит и герой рассказа "Подлец" (накануне предполагаемой дуэли). Герой рассказа "Ужас" признается, что открытие "безсмысленности мира" он сделал после того, как дурно спал три ночи, а четвертую не спал вовсе.

Как не вспомнить при этом набоковские слова о том, как меняется мир после одной только ночи без сна, сказанные им, кажется, в одной из лекций.

В "Благости" можно также обнаружить дословное воспроизведение названия другого набоковского рассказа - "Путеводителя" - "Рядом, на табурете, осталась книга - путеводитель по Берлину, - и осенний ветер рассеянно поворачивал страницы, трепал план, выпавший из них ступеньками". И в других набоковских произведениях могут воспроизводиться названия книг Набокова, которые читают герои (например - "Защиты Лужина").

Мотив недоброго ветра в "Благости" - явный намек на "советский ветер" из романа "Отчаяние", ветер, который мешает герою (в слове "ветеринар" ветер - советский, потому что слово оканчивается на "нар" - сокращение от "народный").

В финале рассказа мы вновь встречаемся со звукописью Набокова. На этот раз с инструментовкой строки на - ш ..

- И оба пошли дальше, ничего не купивши..

- Я пошел прочь по вечеряющим улицам,

- Слышно было, как стукались об крышу срываемые ветром каштаны.

Эти попытки звукописи есть и у подражателя Набокова в "Романе с кокаином" (см. мою книгу "Набоков. Осень жизни").

Василий Шишков.

Не прочь использовать аллитерации наш автор и в рассказе "Василий Шишков". Вот, например, картина, когда автор читает якобы стихи Василия Шишкова: "Стихи были ужасные.. Их совершенная бездарность подчеркивалась Шулерским Шиком аллитераций, базарной роскошью.." В этом фрагмента автор как бы копирует аллитерации из увиденных им "стихотворений".

Фраза из рассказа ВШ "Пишу я ради конкретного удовольствия, печатаю ради значительно менее конкретных денег" напоминает девиз Пушкина, который писал для себя, а печатал для денег.

Герой ВШ думает "исчезнуть, раствориться". Любопытно, что на ту же тему - исчезновения - размышляет герой позднего незаконченного романа Набокова "Оригинал Лауры".

А.С. Власов (Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова) в статье "«...МОЛЧАНЬЕ ЗАРНИЦЫ, МОЛЧАНЬЕ ЗЕРНА» (К ИНТЕРПРЕТАЦИИ РАССКАЗА В. НАБОКОВА «ВАСИЛИЙ ШИШКОВ»)" рассказывает предысторию новеллы. А именно - то, как Набоков публиковал под именем Василия Шишкова стихотворения "Поэты" и "К России" с одной из целей - поймать в ловушку Г.Адамовича: «Это стихотворение <...> было написано с целью поймать в ловушку почтенного критика (Г. Адамовича. – А.В.) <...>, который автоматически выражал недовольство по поводу всего, что я писал» (цит. по: 5, 549). Реакция оппонента, по словам Власова, превзошла все ожидания: «В "Поэтах" Шишкова талантлива каждая строчка, каждое слово, убедителен широкий их напев, и всюду разбросаны те находки, <...> которые никаким опытом заменить нельзя». Анализируется стихотворение "Поэты" (в частности, оно сравнивается со стихотворением Вл.Ходасевича "Путем зерна", ибо в "Поэтах" упоминается "зарница" и "зерно"). Проанализированы и тема и мотивы "Обращения" ("К России").

Затем рассматривается сюжет рассказа. Он представляет собой несколько встреч и бесед с Василием. Герой "знакомится с автором, «предъявляет» ему стихи: сначала – фальшивые, пародийно-графоманские, затем, после того как автор успешно выдерживает этот своеобразный «экзамен» и обнаруживает свою «безжалостность» – подлинные". Обсуждается задуманный Шишковым журнал – "Обзор Страдания и Пошлости". Но Шишков терпит неудачу с журнальной затеей - и оставляет автору лишь тетрадь со своими стихами.

Одно из стихотворений, якобы оставленных Шишковым - "Поэты". «Стихи были очень хороши <...>. Недавно по моему почину одно из них появилось в свет, и любители поэзии заметили его своеобразность... Поэту, <...> охочему до чужого мнения, я тут же высказал его, добавив в виде поправки, что кое-где заметны маленькие зыбкости слога – вроде, например, “в солдатских мундирах”».

Вывод: связь «Поэтов» и «Обращения» с текстом рассказа несомненна. В случае с «Поэтами» это связь на мотивно-тематическом уровне, подкреплённая фабульным контекстом (упоминание, цитирование и т. д.). «Обращение», выпадая из фабульного контекста, подхватывает и акцентирует один из наиболее важных мотивов «Поэтов» – мотив «молчанья любви».

Галинская отмечает (в своей статье "Лучшие рассказы Набокова"), что Георгий Адамович поместил в парижской русскоязычной газете «Последние новости» рецензию, в которой «непомерно восторгался стихотворением Шишкова “Поэты” и выражал надежду, что... русская эмиграция, возможно, наконец-то дала великого поэта», - пишет сам Набоков в статье «От третьего лица» (1, с. 502). И далее Набоков продолжает: «Осенью того же года, Сирин подробно описал воображаемое интервью (в рассказе “Василий Шишков” – И.Г.), которое он взял у “Василия Шишкова”. “Не утративший боевого задора, Адамович ответил, что сомневается, что это был розыгрыш, однако

добавил, что у Сирина могло хватить изобретательности, чтобы изобразить вдохновение и талант, каковых ему, Сирина, так недостает»".

Наталья Александровна РОГАЧЁВА и Анастасия Олеговна ДРОЗДОВА в статье РЕФЛЕКСИЯ СОБСТВЕННОГО И ЧУЖОГО ТВОРЧЕСТВА В РАССКАЗЕ «ВАСИЛИЙ ШИШКОВ» И СТИХОТВОРЕНИИ «ПОЭТЫ» В. НАБОКОВА пишут применительно к образам рассказчика и Шишкова в ВШ:

.. чужое художественное слово воспринимается героями как «звучащее»: Василий Шишков сопоставляет стихи рассказчика с «посторонним громким разговором». С другой — чтение и обсуждение собственного или чужого творчества происходят в тишине. Так, к примеру, рассказчик характеризует звук через реакцию другого персонажа: «...заметив, что Шишков озабоченно прислушивается, заметив далее, как он решительно и радостно оперся о стол и уже привстал, прежде чем сообразить, что это звонят в другую квартиру». Звуковые образы могут замещаться лексикой с семантикой «речевого действия»: «говорю», «довольно хорошо и интересно развивать свои мысли», «выразил уверенность», «страшно растягивая слова», «бойче и хуже». Тихий звук оказывается маркером иммерсивности — погружения персонажей в диалог или в чтение, а также исчезновение в тексте.

(с. 70)

С фигурой Шишкова соположен мотив зыбкости, стремления раствориться в тексте. Слово Шишкова - неуловимое, подвижное, тогда как пошлость - ощущается рассказчиком на физическом уровне - «о больших, броских вещах, которые всем намозолили душу», «почувствовал болезненное разочарование».

Конец ознакомительного фрагмента.